

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет)»
ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
Кафедра «Уголовное и уголовно-исполнительное право, криминология»

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ
В ЗАРУБЕЖНОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ
ФГАОУ ВО «ЮУрГУ (НИУ)» – 40.03.01.2016.564. ВКР

Руководитель работы,
доцент кафедры
_____ Надежда Ивановна Щипанова
_____ 2021 г.

Автор работы,
студент группы Ю-564
_____ Игорь Анатольевич Гаврилюк
_____ 2021 г.

Нормоконтролер,
ст. преподаватель кафедры
_____ Дарья Вячеславовна Бирюкова
_____ 2021 г.

Челябинск
2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	2
1 ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА КАК СУБЪЕКТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ	
1.1 Понятие и сущность юридического лица в российском и зарубежном праве.....	5
1.2 Развитие уголовной ответственности юридических лиц в зарубежном уголовном праве.....	16
1.3 Социально-правовые предпосылки уголовной ответственности юридических лиц в российском уголовном праве.....	29
2 ИНСТИТУТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН	
2.1 Уголовная ответственность юридических лиц в странах общего права.....	40
2.2 Уголовная ответственность юридических лиц в странах континентального права.....	60
2.3 Современные концептуальные основы уголовной ответственности юридических лиц в России.....	76
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	91
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК.....	95

ВВЕДЕНИЕ

Проблема введения института уголовной ответственности юридических лиц в Российской Федерации обсуждается на протяжении более двадцати лет. Коренные изменения экономического строя нашей страны, произошедшие в конце XX века, способствовали появлению большого количества самостоятельных хозяйствующих субъектов, основной целью деятельности которых является извлечение прибыли. Однако, в погоне за финансовой выгодой, юридические лица нередко допускают различные правонарушения, вред от которых иногда бывает довольно значительным.

В попытках ограничить злоупотребления со стороны юридических лиц государство использует различные меры административно-правового воздействия, присутствует также и гражданско-правовая ответственность за причинённый ущерб. Тем не менее, всё чаще в научной среде слышны мнения о том, что таких мер недостаточно, в связи с чем ставится вопрос о необходимости введения уголовной ответственности юридических лиц.

В то же самое время, корпоративная уголовная ответственность существует во многих странах Европы и мира, а также часто становится предметом обсуждения на международном уровне. Изучение зарубежных подходов к уголовной ответственности юридических лиц является необходимым шагом при решении вопроса о целесообразности введения такого института в России, чем и объясняется актуальность выбранной темы.

Цель выпускной квалификационной работы – рассмотреть институт уголовной ответственности юридических лиц в зарубежных странах и проанализировать целесообразность его введения в России.

Задачами выпускной квалификационной работы выступают:

- определение понятия и сущности юридического лица как субъекта права;
- исследование процесса формирования института уголовной ответственности юридических лиц в зарубежных правовых порядках;

- изучение истории развития отечественного уголовного законодательства о коллективной ответственности;
- определение особенностей моделей корпоративной уголовной ответственности в странах общего права;
- исследование моделей уголовной ответственности юридических лиц в законодательстве стран континентального права;
- рассмотрение точек зрения современных отечественных правоведов на проблему ответственности юридических лиц.

Объектом выпускной квалификационной работы является институт уголовной ответственности юридических лиц.

Предметом выпускной квалификационной работы выступают уголовное законодательство России и зарубежных государств, нормы международного права, регулирующие уголовную ответственность юридических лиц, теоретические положения российской и зарубежной науки уголовного права, касающиеся установления корпоративной уголовной ответственности, материалы судебной практики по рассматриваемому вопросу.

Теоретической базой при написании выпускной квалификационной работы явились труды ведущих отечественных и зарубежных учёных в области уголовного права. Изучению проблем уголовной ответственности юридических лиц в разное время посвящали свои работы Волженкин Б.В., Крылова Н.Е., Никифоров А.С., Фёдоров А.В., Бытко Ю.И., Семькина О.И., Голованова Н.А., Лафитский В.И., Таганцев Н.С., Наумов А.В., Deckert K., Beale S.S., Jofre S.W. и др. Также были использованы труды специалистов в других отраслях правовой науки – общей теории права, гражданского права, сравнительного правоведения (Козлова Н.В., Братусь С.Н., Суворов Н.С., Шершеневич Г.Ф., Суханов Е.А. и др.).

Нормативную и эмпирическую основу выпускной квалификационной работы составляют Конституция РФ, Уголовный кодекс РФ, Кодекс об административных правонарушениях РФ, международные соглашения,

уголовное законодательство зарубежных государств, иные отечественные и зарубежные законодательные акты, а также материалы судебной практики.

Методологической основой выпускной квалификационной работы является диалектический метод. Кроме того, применялись и иные общенаучные и специальные методы познания, такие как анализ, синтез, сравнительно-правовой и исторический методы и др.

Структура выпускной квалификационной работы определена характером исследуемых в ней вопросов. Работа состоит из введения, двух глав, включающих шесть параграфов, заключения и библиографического списка.

1 ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА КАК СУБЪЕКТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ

1.1 Понятие и сущность юридического лица в российском и зарубежном праве

Вопрос о сущности юридического лица является одним из главных и трудно разрешимых вопросов науки гражданского права. Теории юридического лица уже не одно столетие занимают умы юристов разных стран. Профессор Н. С. Суворов в своё время метко заметил – «почти каждый из ученых с более или менее известным именем выставлял свою собственную теорию юридических лиц»¹.

Институт юридического лица был известен еще праву Древнего Рима – там самостоятельными субъектами права считались государство, политические общины (города, селения, провинции и колонии), коллегии (похоронные, религиозные, ремесленные), церковные учреждения. Сами римляне для обозначения таких лиц использовали термины «*personae vice fungī*», либо «*privatorum loco haberi*», стараясь подчеркнуть то, что эти лица, не являясь естественным человеческим лицом (*persona*), функционируют в гражданских отношениях вместо него и подобно ему².

С развитием в XI–XIV веках торгово-промышленных отношений между странами Европы, коллективные образования торговцев получили широкое распространение. Немалую роль в этом процессе сыграла также и активная рецепция норм римского права. Первоначально под коллективными субъектами понимались исключительно корпорации, а для обозначения самой этой категории в европейских правовых порядках использовались различные термины: фиктивное лицо, искусственное лицо – поскольку оно создано творчеством человека, моральное лицо – так как оно выходит за

¹ Суворов Н.С. Об юридических лицах по римскому праву. М.: Статут, 2000. С. 79.

² Там же. С. 29.

пределы физического мира, но чаще всего – юридическое лицо – потому что оно используется исключительно в юридических целях¹.

Первые попытки охарактеризовать сущность юридического лица предприняли в XI-XIV вв. французские и немецкие глоссаторы. Изучая источники римского права, они трактовали термин «*persona*» как обозначение исключительно разумного субъекта и понимали под ним человека. Именно поздние глоссаторы впервые предложили считать волю всех членов корпорации установленной законом фикцией, ввиду того, что действительная воля всех участников совпадает крайне редко².

В то же самое время, в связи с расширением имущественной власти церкви и отнесением к церковной собственности многих храмов и монастырей, канонисты в своих теориях провели разделение понятия «человек» и понятия лица как субъекта права. Осознав, что корпорация как субъект не зависит от перемены отдельных её членов, и применив термин «*persona*» к церкви, канонисты занялись анализом сущности такого субъекта.

Наиболее популярное мнение по этому поводу излагал папа Иннокентий IV, заявивший, что у церкви нет ни души, ни воли, ни сознания, что такая корпорация является не более чем отвлечённым понятием, фиктивным лицом (*persona ficta*)³.

Продолжая развиваться на протяжении нескольких столетий, в итоговом виде теория фикции была сформулирована Фридрихом Карлом фон Савиньи, названная им теорией олицетворения (*Personifikationstheorie*)⁴. Он определял юридическое лицо как субъект права, который был создан искусственно, так как достижение определённых целей другими способами, без создания такого субъекта, было бы невозможно. Таким образом, согласно теории Савиньи, только человек может быть носителем прав и обязанностей,

¹ Шершеневич Г.Ф. Избранное: В 6 т. Т. 4 включая Общую теорию права. М.: Статут, 2016. С. 503–504.

² Козлова Н.В. Понятие и сущность юридического лица. Очерк истории и теории: Учебное пособие. М.: Статут, 2003. С. 115.

³ Братусь С.Н. Юридические лица в советском гражданском праве. М., 1947. С. 72.

⁴ Суворов Н.С. Об юридических лицах по римскому праву. С. 68.

а юридическое лицо представляет собой лишь исключение из данного правила, фикцию, созданную правом в интересах практической жизни и не существующую в действительности.

Многие учёные, анализируя теорию фикции, указывали, что отождествление субъекта права исключительно с человеком противоречит исторической действительности, поскольку первыми субъектами были именно коллективные образования (племя, община, государство), которые существовали независимо от признания их правом¹. Иначе говоря, закон не может создать субъект права, он лишь констатирует его существование.

Если ключевым посылом теории фикции была невозможность существования права без субъекта, то другая теория – целевого имущества, прямо исходила из отсутствия необходимости в субъекте права. Б. Виндшейд одним из первых в середине XIX в. выдвинул эту теорию, поставив в пример концепцию лежачего наследства, используемую в Древнем Риме².

Главным сторонником теории целевого имущества стоит признать А. Бринца, который в своих работах писал, что имущество может принадлежать не только кому-либо, но и чему-либо, а именно – цели. Он различал имущество городов, храмов, а также богов, и считал настоящим субъектом имущественных прав организации именно цель её создания.

Теория целевого имущества в разное время находила поддержку среди учёных. В частности, Э. Беккер считал субъектом права ценную бумагу, потому что она является носителем требования, а её держатель – физическое лицо, всего лишь представитель, который сам не становится кредитором³.

Тем не менее, данная теория неоднократно подвергалась критике, основным мотивом которой было утверждение о том, что отвергая теорию фикции, А. Бринц и его последователи в своей теории сами используют

¹ Суворов Н.С. Об юридических лицах по римскому праву. С. 32–47; Гамбаров Ю.С. Курс гражданского права. Т. 1. Часть общая. СПб, 1911. С. 448–449.

² Козлова Н.В. Понятие и сущность юридического лица. Очерк истории и теории: Учебное пособие. С. 127.

³ Там же. С. 133.

фиктивную конструкцию принадлежности имущества некой цели, не выясняя реального собственника такого имущества¹.

Ещё одной теорией, авторы которой опровергали положения теории фикции, стала органическая теория, представляющая юридическое лицо в качестве реального субъекта права. Её основоположник Отто фон Гирке видел в юридическом лице живое существо, являющееся действующим социальным организмом и самостоятельным субъектом права. Юридическое лицо не является фикцией, оно обладает своей волей и желаниями, имеет правоспособность и дееспособность. Как и человек, юридическое лицо не создаётся объективным правом, а лишь признаётся им в качестве субъекта.

В качестве обоснования этой теории Г. Безелер и Ф. Регельсбергер ставят в пример государство – будучи союзом разных лиц, оно имеет свои интересы, волю, ведёт свою жизнедеятельность².

Недостатком органической теории называют очередное использование фикции при объяснении наличия воли, якобы состоящей из сложения воли членов организации, а также «очеловечивание» юридического лица³.

Р. Иеринг поддерживал мысль о том, что только физические лица могут быть субъектами права и предлагал теорию, отрицающую существование фиктивного субъекта в виде юридического лица. Его теория пользования (иначе – теория интереса) утверждала, что юридические лица не имеют своего определённого интереса, а значит, они не могут быть пользователями субъективных прав⁴.

Критики теории Иеринга справедливо отмечали, что во многих случаях юридические лица создаются и становятся участниками правоотношений до наполнения их людьми, имеющими свои интересы и способными

¹ Суворов Н.С. Об юридических лицах по римскому праву. С. 72–74.

² Козлова Н.В. Понятие и сущность юридического лица. Очерк истории и теории: Учебное пособие. С. 138.

³ Братусь С.Н. Юридические лица в советском гражданском праве. С. 103.

⁴ Гражданское и торговое право зарубежных государств: Учебник. Т. 1. Общая часть. / отв. ред. А.С. Комаров, А.А. Костин, О.Н. Зименкова, Е.В. Вершинина. М.: Статут, 2019. С. 137.

«наслаждаться» благами. Кроме того, теория Иеринга применима лишь к корпорациям и не отвечает на вопрос о сущности учреждений¹.

Большинство российских дореволюционных учёных склонялись к теории фикции как объяснению сущности юридического лица.

Само понятие «юридическое лицо» в России впервые употребляется только в проекте Гражданского уложения 1905 г., до этого дореволюционное российское законодательство для обозначения таких субъектов использовало термин «сословие лиц», а традиционный термин использовался лишь в науке.

Г. Ф. Шершеневич по этому поводу писал, что право по своей сути это общественное явление, установленное людьми для удовлетворения своих потребностей, а значит, субъектами его являются только люди. Однако, в ряде случаев возникает необходимость обособления имущества для различных целей, и чтобы избежать слияния этого имущества с имуществом лиц, которые им управляют, на место этих физических лиц следует поставить лицо воображаемое и сделать это лицо участником всех отношений, фиктивным субъектом. Такая конструкция, по мнению учёного, значительно облегчит достижение целей, для которых обособляется имущество. Автор заключал, что юридическим лицом следует признать всё то, что, не являясь лицом физическим, признаётся объективным правом как способное быть субъектом права ввиду определённой цели².

И. А. Покровский писал, что понятие субъекта прав – условное и может быть применимо и к юридическим лицам, которые представляют собой своеобразную социальную реальность, одушевление которой придаёт воля участников. Будучи реальным субъектом, юридическое лицо имеет правоспособность и дееспособность, а также может нести ответственность, в том числе уголовную, поскольку оно является живым продолжением отдельных лиц, наполненным их совместной волей³.

¹ Гражданское и торговое право зарубежных государств: Учебник. Т. 1. Общая часть. / отв. ред. А.С. Комаров, А.А. Костин, О.Н. Зименкова, Е.В. Вершинина. С. 137.

² Шершеневич Г.Ф. Избранное. Т. 5: Учебник русского гражданского права. М.: Статут, 2017. С. 125–128.

³ Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М.: Статут, 1998. С. 144–162.

Реалистический подход поддерживал и В. И. Синайский, считавший, что поскольку под лицом в праве следует понимать носителя прав и обязанностей, то и юридическое лицо стоит видеть таким же носителем, но являющимся не человеком, а союзом лиц¹.

Гражданский кодекс РСФСР 1922 г. даёт первое легальное определение юридического лица – под ним понимаются объединения лиц, организации или учреждения, которые могут приобретать имущественные права, быть участниками обязательств, а также истцами и ответчиками в суде.

Изменение экономического строя советского государства повлекло за собой новые поиски истинной сущности юридического лица, которые выразились в ряде совершенно новых теорий советских учёных.

Теория государства С. А. Аскназия предполагала, что истинным субъектом гражданских прав является социалистическое государство, поскольку именно оно является собственником всего имущества и определяет волю юридического лица².

Пытаясь охарактеризовать юридическое лицо, О. А. Красавчиков выделял две группы его признаков – материальными признаками он считал внешнюю автономию и внутреннее организационное единство, экономическое единство и обособленность имущества, руководящее и функциональное единство, а правовыми – законность образования юридического лица, способность от своего имени участвовать в гражданском обороте и нести ответственность, а также быть истцом и ответчиком в судебном процессе, наличие учредительных документов. Данные признаки в совокупности были названы другими авторами «теорией организации»³.

Широкое распространение получила теория коллектива, впервые сформулированная А. В. Венедиктовым в 40-е гг. XX в. Он считал, что за

¹ Синайский В.И. Русское гражданское право. М.: Статут, 2002. С. 113–114, 119–122.

² Козлова Н.В. Понятие и сущность юридического лица. Очерк истории и теории: Учебное пособие. С. 168.

³ Юридические лица и их государственная регистрация: Постатейный комментарий к статьям 48–65 Гражданского кодекса Российской Федерации и Федеральному закону «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» / под ред. Гонгало Б.М. и Крашенинникова П.В. М.: Статут, 2010. С. 15.

государственным юридическим лицом стоит весь коллектив рабочих и служащих, и именно этот коллектив сочетает интересы предприятия, народного хозяйства, а также человека и всего общества. Само же юридическое лицо он определял как организованный коллектив рабочих и служащих с ответственным руководителем¹.

Суды тех лет в своей практике иногда склонялись к признанию теории реального субъекта. Толкование же различных норм Гражданского кодекса РСФСР 1922 г. позволяло применять в отношении юридического лица сразу две теории – фикции и реального субъекта².

При рассмотрении состояния института юридических лиц XXI в. привлекает внимание тот факт, что современное зарубежное гражданское законодательство в большинстве случаев не даёт определения понятия юридического лица, часто ограничиваясь лишь перечислением их организационно-правовых форм, либо общими формулировками и в некоторых случаях – обозначением признаков. Отмечается, что такой подход в целом традиционен для западных стран.

Среди государств, закрепивших в своём законодательстве легальное определение понятия юридического лица, безусловный интерес вызывает характеристика юридического лица, предложенная законодателями Чили. Статья 545 Гражданского кодекса Чили (*Código Civil de la República de Chile*) устанавливает, что юридическое лицо это фиктивное лицо (*persona ficticia*), способное осуществлять гражданские права и брать на себя обязанности, а также быть представленным в судебном и внесудебном порядке. Таким образом, в законодательстве Чили официально была закреплена теория фикции. По всей видимости, подобный подход получил поддержку в правовом сообществе, поскольку позднее данная норма была заимствована Колумбией и включена в новую редакцию её Гражданского кодекса.

¹ Козлова Н.В. Понятие и сущность юридического лица. Очерк истории и теории: Учебное пособие. С. 170.

² Гюлумян В.Г. О проблеме научного поиска сущности юридического лица // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 3. С. 113.

Современные подходы к обоснованию сущности юридического лица в основном базируются на классических теориях.

Поддерживая теорию фикции, в решении по делу *Meridian Global Funds Management Asia Ltd v Securities Commission*¹, британский судья Лорд Хоффман по этому поводу говорит, что «компания существует потому, что существует правило в законе, говорящее, что подобная личность (*persona ficta*) должна считаться существующей. Несмотря на то, что ссылка на такую «компанию» может создать впечатление, что существует нечто, называемое компанией, на самом деле никакой вещи самой по себе (*Ding an sich*) нет, лишь только юридические правила, позволяющие акционерам вести их коллективную деятельность, используя корпоративную форму».

В общем праве Англии для характеристики юридических лиц часто используется термин «искусственные лица» (*Artificial persons*), под которыми понимаются группа или круг людей, «представляющие собой абстрактную сущность, но, тем не менее, обладающие одушевлённым содержанием».

В английском праве возможность признания юридического лица самостоятельным субъектом во многом получила своё развитие благодаря известному делу *Salomon v. Salomon & Co Ltd*², в котором была подтверждена не только эта теория, но также и то, что компания, будучи самостоятельным лицом, не является представителем своих участников.

Согласно словам члена Британской Академии, профессора Джона Армора, в соответствии с английским законодательством всегда было принципиально возможно существование юридического лица, обладающего искусственной личностью, которое бы рассматривалось как отдельное лицо в отношении своих членов³.

В современном же английском праве подход к определению сущности юридического лица во многом зависит от конкретных целей, для которых это

¹ [1995] UKPC 5. URL: <https://www.bailii.org/uk/cases/UKPC/1995/5.html> (дата обращения: 23.03.2021).

² [1897] AC 22. URL: <http://www.bailii.org/uk/cases/UKHL/1896/1.html> (дата обращения: 23.03.2021).

³ *English Private Law* / Edited by Andrew Burrows. Oxford University Press, 2013. P. 613.

определение необходимо. Так, первоначально считалось, что юридическое лицо это совокупность его участников, т.е. компания и его члены представляют собой один субъект. Тем не менее, со временем многие нормы, регулирующие деятельность юридических лиц, стали исходить из того, что участники в обмен на определённые права передают свои активы отдельному субъекту – компании¹.

Что касается отечественного права, Гражданский кодекс РФ в действующей редакции под юридическим лицом понимает организацию, которая имеет обособленное имущество и отвечает им по своим обязательствам, может от своего имени приобретать и осуществлять гражданские права и нести гражданские обязанности, быть истцом и ответчиком в суде (п. 1 ст. 48). В качестве отдельного признака выделяется и наличие государственной регистрации (п. 2).

Подобное указание на необходимость регистрации объясняется тем, что легальное определение основано на фиктивном понимании юридического лица, видящем в юридическом лице субъект, созданный искусственно².

Анализируя признак наличия обособленного имущества, С. И. Архипов отмечает, что в нём проявляется один из давних стереотипов гражданского права, дошедший до нас еще со времён Древнего Рима, в соответствии с которым субъект права оценивается через призму его имущественного интереса, рассматривается как принадлежность имущества, его часть³. Однако, вполне обычной является ситуация, при которой организация не владеет имуществом ни на одном из перечисленных вещных прав – все её активы сосредоточены в обязательственных правах. В таком случае, руководствуясь текстом п. 1 ст. 48 ГК РФ можно было бы сделать логичный вывод о том, что такая организация не является юридическим лицом. С таким мнением не согласны многие авторы, считающие, что для соблюдения

¹ English Private Law / Edited by Andrew Burrows. P. 615.

² Козлова Н.В. Понятие и сущность юридического лица. Очерк истории и теории: Учебное пособие. С. 182.

³ Архипов С.И. Юридическое лицо как правовая конструкция // Вестник УГТУ-УПИ, 2005. № 1. С. 140.

признака имущественной обособленности достаточно обособления имущества с помощью не только вещных прав, но и иных правовых форм¹.

Сам же С.И. Архипов и вовсе предлагает считать имущество не сущностным признаком юридического лица, без которого невозможно его существование, а лишь внешним его условием, полагая, что принадлежность имущества никак не влияет на правовую личность организации².

Эта мысль заслуживает внимания как минимум потому, что наделение организации имуществом должно осуществляться до государственной регистрации и является её необходимым условием, однако довольно затруднительно наделить имуществом нечто, не имеющее никаких признаков правосубъектности. Следовательно, еще до стадии регистрации организация имеет черты субъекта права, и обособление имущества это не условие создания юридического лица, а наделение этим имуществом существующего лица.

В судебной практике Англии и США существуют случаи признания незарегистрированных организаций субъектами права, так называемыми «фактическими» юридическими лицами³. Германские торговые товарищества осуществляют свою деятельность, не регистрируясь в качестве юридических лиц, но при этом обладают частичной правосубъектностью⁴. Российские крестьянские фермерские хозяйства могут действовать как в форме зарегистрированного юридического лица, так и без неё.

Всё сказанное позволяет взглянуть на организацию как на реальный субъект, существующий независимо от регистрации.

Н.В. Козлова, будучи сторонницей реалистической теории, считает, что именно такая теория «нашла правильный подход к пониманию сущности юридического лица» и является пригодной для законодательных целей⁵.

¹ Юридические лица: типы, виды, организационно-правовые формы: учеб. пособие / под ред. Т.Л. Калачевой. Хабаровск: Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2018. С. 13.

² Архипов С.И. Юридическое лицо как правовая конструкция. С. 140–141.

³ Козлова Н.В. Понятие и сущность юридического лица. Очерк истории и теории: Учебное пособие. С. 185.

⁴ Суханов Е.А. Сравнительное корпоративное право. М.: Статут, 2014. С. 74.

⁵ Козлова Н.В. Указ.соч. С. 147.

Также являясь сторонником теории реального субъекта, Р.В. Минин пишет, что юридическое лицо не только обладает правами и обязанностями, но и «существует в объективной действительности и имеет волю, которая может подавлять волю физических лиц»¹.

Противоположное мнение высказывает Ю. В. Байгушева, которая видит в использовании конструкции юридического лица не более чем приём юридической техники. Для придания статуса субъекта ему необходимо государственное признание, т. е. создание в определённой организационно-правовой форме и последующая регистрация².

Распространены и иные взгляды. В.К. Андреев пишет, что сущность юридического лица, как внутренняя сторона объективной действительности, характеризующая правовую природу юридического лица, заключается в обособлении группой лиц имущества для участия в гражданском обороте и предпринимательской деятельности с целью ограничения собственной ответственности в рамках этого имущества³.

Р. С. Бевзенко, в свою очередь, видит в юридическом лице совокупность имущества, только лишь выступающую способом ограничения имущественной ответственности его учредителей. Обособленное имущество, предназначенное для ведения предпринимательской деятельности, в силу закона наделяется качествами юридической личности. Однако, поскольку имущество, будучи воленеспособным субъектом, не может самостоятельно формировать и изъяслять вовне свою волю, ему назначается представитель в виде физического лица – директора организации⁴.

¹ Минин Р.В. Проблема формирования концепции уголовной ответственности юридических лиц в России // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2019. № 1 (47). С. 66.

² Гражданское право: учебник: в 3 т. Т. 1 / под ред. А. П. Сергеева. М.: Проспект, 2020. С. 324–325.

³ Андреев В.К., Кирпичев А.Е. Юридические лица. Введение в корпоративное право: Лекция. М.: РАП, 2014. С. 11.

⁴ Бевзенко Р.С. Несколько директоров – это просто и удобно. URL: <https://www.pgplaw.ru/analytics-and-brochures/articles/roman-bevzenko-several-of-directors-is-easy-and-fast/> (дата обращения: 28.03.2021).

Подводя итог, можно сказать, что институт юридического лица проделал огромный исторический путь и в разное время подвергался многочисленным переосмыслениям учёными разных стран. Классические теории, увидевшие свет ещё в Средние века, находят своих сторонников до сих пор. Однако, несмотря на многообразие мнений, в настоящее время исследователи всё больше направляют свои силы на решение практических задач в отношении отдельных видов юридических лиц, а новые попытки поиска истинной сущности юридических лиц в российской и зарубежной литературе отходят на задний план и предпринимаются крайне редко.

1.2 Развитие уголовной ответственности юридических лиц в зарубежном уголовном праве

Уголовная ответственность коллективных субъектов имеет давнюю историю. Ещё не зная определения юридического лица, в античных Афинах уже допускали коллективную ответственность. Древние римляне же, полагая, что субъектом права может быть лишь физическое лицо, однозначно отвергали подобную идею о коллективной ответственности¹. Существуют свидетельства наличия института ответственности коллективных субъектов в правовых порядках Древнего Китая, Византийской Империи, государств Средневековья и Нового Времени².

Многочисленные размышления о возможности уголовного преследования юридических лиц на протяжении всей истории следовали параллельно развитию общих теорий сущности юридического лица и во многом основывались на них. Папа Иоанн XXII, признавая фиктивное происхождение юридического лица, всё же склонялся к мнению, что в силу этой самой фикции юридическое лицо имеет свою душу, а значит, может

¹ Хрущевский П.А. История становления уголовной ответственности юридических лиц. // Вопросы российского и международного права. 2011. № 4. С. 63–64.

² Фёдоров А.В., Кричевцев М.В. История развития Французского законодательства об уголовной ответственности юридических лиц. // Вестник Московской академии Следственного комитета РФ. 2017. № 4. С. 35.

подвергаться наказаниям. В целом же, средневековые легисты склонялись к тому, что корпорации способны совершать преступления¹.

Сам автор теории фикции Фридрих К. Савиньи считал корпорации недееспособными и потому отвергал какую-либо возможность юридического лица самостоятельно совершать преступления и отвечать за них, полагая, что только физические лица, являясь их представителями, несут всю ответственность за деяния, совершённые ими от имени юридического лица.

Последующее распространение теории реального субъекта позволило признать за юридическим лицом самостоятельную правосубъектность, что открыло пути для регулирования его ответственности, в том числе и уголовной.

На правопорядки стран континентальной Европы огромное влияние оказало регулирование данного вопроса в законодательстве Франции, имеющее длинную историю, изучение которой имеет большое значение для понимания роли уголовной ответственности юридических лиц.

Подобные положения были предусмотрены ещё средневековым французским законодательством и выражались в ответственности отдельных городов и общин. Тем не менее, жителям местности, в которой было совершено преступление, в таких случаях обычно вменялась не вина в самом его совершении, а лишь небрежность при предотвращении деяния и нежелание помочь в поимке настоящего преступника (или его укрывательство)².

Дальнейшее развитие коллективной ответственности во Франции произошло в эпоху правления Людовика XIV. Большой Ордонанс 1670 г. среди прочего в титуле XXI регулировал судопроизводство с участием целых городов, деревень, а также корпусов и компаний. Под корпусами понимались университеты, монастыри и капитулы, а компании представляли собой объединения лиц одной профессии или схожих видов деятельности. Такой процесс с участием коллективного образования проводился в случае

¹ Козлова Н.В. Понятие и сущность юридического лица. Очерк истории и теории: Учебное пособие. С. 112.

² Фёдоров А.В., Кричевцев М.В. История развития Французского законодательства об уголовной ответственности юридических лиц. С. 35.

совершения сообществом мятежа, насилия либо иного преступления. В качестве наказания Ордонанс 1670 г. применял к коллективным субъектам штрафы в пользу короля, возмещение убытков потерпевшего, лишение различных привилегий, а также публичные наказания особого рода, которые могли назначаться только с личного разрешения короля – снятие колоколов, разрушение стен и зданий, строительство позорящего монумента¹.

Изданные позже Ордонансы 1706 и 1711 гг. расширили возможности привлечения коллективных субъектов к уголовной ответственности, что стало реакцией на усилившуюся контрабанду соли, а также табака и иных товаров. За пропуск контрабандистов через свои границы, населённые пункты приговаривались к штрафу и возмещению ущерба лицам, понёсшим убытки, вызванные проникновением на рынок контрабандных товаров.

Принятый в 1810 году Уголовный кодекс Франции практически не содержал норм, регулирующих ответственность коллективных субъектов. Так, ст. 428 предусматривала наказание в виде штрафа и конфискации сборов для ассоциаций артистов, которые исполняли произведения с нарушением законодательства об интеллектуальной собственности. Существование подобной нормы являлось скорее исключением, поскольку к тому времени большинство организаций корпоративного типа было упразднено. В основном среди коллективных субъектов остались лишь государство и коммуны, из-за чего сама по себе коллективная ответственность потеряла смысл².

Тем не менее, в первой половине XX века социальная потребность в существовании юридических лиц во Франции взяла верх, а значит, появилась и необходимость регулирования их деятельности, что привело к возобновлению практики привлечения юридических лиц к уголовной ответственности – за совершение священником правонарушения, связанного с законодательством о культах, к выплате штрафа принуждалась религиозная организация; в соответствии с Законом от 1933 г., препятствующим торговле

¹ Крылова Н.Е. Уголовная ответственность юридических лиц во Франции: предпосылки возникновения и основные черты. // Вестник Московского университета. 1998. № 3. С. 71.

² Там же. С. 72.

детьми, юридические лица наказывались за незаконное перемещение детей; Закон 1934 г. о морской торговле вводил совместную ответственность капитана корабля и владельца судна, в том числе юридического лица¹.

В то же самое время проводились попытки реформирования уголовного законодательства. В частности, разработанный, но не принятый проект Уголовного кодекса 1934 г. предусматривал привлечение юридического лица к уголовной ответственности за действия физических лиц, осуществлённые от его имени и за счёт его средств².

Важным является упоминание Ордонанса от 5 мая 1945 года, в котором впервые были установлены основания привлечения юридических лиц к уголовной ответственности – совершение деяния органами или представителями юридического лица от его имени и в его пользу. Данный Ордонанс предназначался для преследования учреждений прессы, которые сотрудничали с оккупантами во время Второй мировой войны, и предусматривал для них наказания в виде полной или частичной конфискации имущества, публикации приговора суда и ликвидации без права восстановления³.

Как и в случае с Францией, классические идеи немецких цивилистов оказали влияние и на законодательство Нидерландов. Уголовный кодекс 1886 г. считал субъектами уголовной ответственности исключительно физических лиц. На борьбу с корпоративной преступностью в то время был направлен лишь ряд статей, предусматривающих наказания для должностных лиц корпораций. Тем не менее, общая концепция привлечения юридических лиц к публичной ответственности была знакома нидерландскому законодателю, что находило отражение в некоторых санкциях, предусмотренных налоговым и таможенным законодательством⁴. Однако, общее неприятие мысли о перенесении идеи фикции юридического лица из

¹ Фёдоров А.В., Кричевцев М.В. История развития Французского законодательства об уголовной ответственности юридических лиц. С. 40.

² Там же. С. 40.

³ Голованова Н.А. Уголовная ответственность юридических лиц в международном и национальном праве (сравнительно-правовое исследование). М., 2013. С. 147–148.

⁴ Maradona. Corporate Criminal Liability in Indonesia: Regulation, Implementation and Comparison with The Netherlands. Doctoral Thesis. Rotterdam, 2018. P. 165.

гражданского права в уголовное не позволило на данном этапе более чётко сформулировать пределы уголовной ответственности юридических лиц.

На развитии законодательства Нидерландов, регулирующего ответственность юридических лиц, благотворно сказались чрезвычайные обстоятельства, а именно – Великая депрессия первой половины XX в. Для борьбы с экономическими проблемами был принят ряд антикризисных законов, позволявших применять санкции к торговым компаниям. Характер этих мер был в большей степени административным, так как правительство Нидерландов считало эти законы временными и не видело необходимости в реформировании уголовно-правового законодательства. Тем не менее, вслед за экономическим кризисом последовала Вторая Мировая война, что обусловило сохранение подобных антикризисных мер на более долгий срок. В дальнейшем, издание новых многочисленных актов, направленных на восстановление благоприятной экономической ситуации после окончания войны привело к смешению уголовных и квазиуголовных мер регулирования, из-за чего в некоторых случаях было сложно определить, какие именно санкции необходимо применять к юридическому лицу¹.

Для разрешения данной проблемы и унификации правил об уголовном преследовании и наказании юридических лиц в 1951 году был принят единый закон, регулирующий ответственность за экономические преступления – *Wet op Economische Delicten* (далее – WED). По мнению законодателя, издание такого акта было необходимо в связи с тем, что эффективная борьба с экономической преступностью возможна только при существовании самостоятельных материальных и процессуальных норм, направленных на неё, поскольку в специфике расследования экономических и неэкономических преступлений существуют коренные различия². WED предусматривал единую систему расследования, судебного процесса и

¹ Keulen B.F., Gritter E. Corporate Criminal Liability in the Netherlands // *Electronic Journal of Comparative Law*. 2010. № 14.3. P. 2. URL: <http://www.ejcl.org/143/art143-9.pdf> (дата обращения: 28.03.2021).

² Там же. P. 2.

наказаний, что должно было обеспечить эффективность правоприменения в области экономических преступлений, Таким образом, принятие этого акта в Нидерландах окончательно закрепило корпоративную уголовную ответственность, что нашло своё выражение в статье 15 WED, согласно которой экономические преступления могут быть совершены юридическими лицами, а сами они могут быть подвергнуты судебному преследованию и уголовному наказанию. К преступлениям, за которые несло ответственность юридическое лицо, данная статья относила деяния, совершённые физическими лицами, действовавшими в рамках деятельности организации (например, на основании трудового договора) независимо от того, действовало это лицо единолично либо в составе группы лиц.

Статья 15 WED была отменена в 1976 г. в связи со вступлением в силу статьи 51 Уголовного кодекса Нидерландов, позволяющей привлечение к уголовной ответственности юридических лиц, которая действует до сих пор. Данная общая норма также расширила ответственность юридических лиц, поскольку теперь они могут быть обвинены в совершении любых преступлений, а не только экономических. В пояснительной записке к новой редакции статьи 51 законодатель указал, что уголовная ответственность юридических лиц не нова для правовой системы Нидерландов, поскольку ещё с XIX в. их закон знал отдельные нормы об ответственности корпораций, и закрепление корпоративной ответственности в Уголовном кодексе стало логичным шагом в развитии этого института¹.

Несмотря на это, во многих других странах долгое время отрицательно относились к возможности юридических лиц быть субъектами уголовной ответственности, хотя в международном сообществе подобный вопрос поднимался неоднократно. Ещё в 1929 г. на Международном Конгрессе по уголовному праву, прошедшем в Бухаресте, некоторые его участники положительно отзывались об идее уголовной ответственности юридических

¹ Maradona. Corporate Criminal Liability in Indonesia: Regulation, Implementation and Comparison with The Netherlands. P. 169.

лиц¹. В дальнейшем, идеи о допустимости такой ответственности проводились в решениях VI и VII Международных конгрессов по уголовному праву, проводимых в Риме (1953 г.) и Афинах (1957 г.) соответственно.

Совет Европы неоднократно принимал документы, направленные на решение этого вопроса, среди которых особенно выделяют Рекомендации № (88) 18 Комитета Министров членов Совета Европы от 20 октября 1988 г. относительно ответственности юридических лиц за правонарушения, совершенные при осуществлении ими своей деятельности².

Данные рекомендации содержат положения, которые обосновывают, по мнению Совета Европы, целесообразность введения уголовной ответственности юридических лиц. Среди них называется растущее число преступлений, совершаемых в ходе ведения хозяйственной деятельности организаций; извлечение ими выгоды от своей неправомерной деятельности; трудности в определении физических лиц, виновных в совершении преступления, что связано со сложной структурой управления многими организациями. Среди прочего говорится и о том, что ужесточение мер ответственности должно повлиять на возможное предотвращение преступных деяний в будущем, а также позволит компенсировать нанесённый ущерб. В качестве санкций предложены предупреждение, выговор, штраф, компенсация вреда, нанесённого потерпевшим, конфискация имущества, использованного при совершении преступления или приобретенного в его результате; ликвидация компании и некоторые другие³.

Тем не менее, несмотря на растущее число довольно разнообразных попыток регулирования коллективной ответственности в различных континентальных правовых системах, в своём первоначальном виде такая ответственность была довольно далека от существующего сейчас института

¹ Волженкин Б.В. Уголовная ответственность юридических лиц. СПб., 1998. С. 15.

² Recommendation № R (88) 18 of the Committee of Ministers to Member States Concerning Liability of Enterprises Having Legal Personality for Offences Committed in the Exercise of Their Activities.

³ Фёдоров А.В. Из истории введения уголовной ответственности юридических лиц: Рекомендации № (88) 18 от 20 октября 1988 года об ответственности предприятий. // Вестник Академии Следственного комитета РФ. 2015. № 1. С. 30.

корпоративной уголовной ответственности. В науке традиционно считается, что современные формулы уголовной ответственности корпораций были разработаны ближе к середине XIX века в странах общего права – Англии и США, и лишь затем они были заимствованы другими странами со свойственными для местных правовых порядков изменениями¹.

Первоначально в странах общего права отрицательно относились к идее уголовной ответственности юридических лиц. Ещё в 1701 году Лорд-главный судья Англии объявил, что только отдельные работники корпорации могут подлежать уголовной ответственности, но никак не корпорация в целом. В 1769 г. Сэр Блэкстоун в своих комментариях к законам Англии по этому поводу писал, что корпорация не может быть ни преступником, ни потерпевшим, поскольку она существо «идеальное и невидимое», которое существует исключительно по велению закона². Р. Филлимор же считал, что юридические лица не имеют чувств, мыслей и воли, а значит, уголовное право не может иметь с ними дело³. Кроме того, теоретиков беспокоил тот факт, что компания физически не может предстать перед судом⁴.

Однако, уже в первой половине XIX в. английские суды, отмечая возрастающую роль корпораций в экономической деятельности, старались оградить общество от злоупотреблений со стороны компаний. В 1842 году компанию привлекли к ответственности за невыполнение возложенной на неё законом обязанности по сносу моста⁵. Спустя некоторое время ответственность юридических лиц была расширена, когда в деле *The Queen v. Great North of England Railway Co.* (1846) судьёй Лордом Денманом была сформулирована позиция, из которой следовало, что корпорации также могут

¹ Голованова Н.А. Уголовная ответственность юридических лиц в международном и национальном праве (сравнительно-правовое исследование). С. 70.

² Blackstone W. Commentaries on the Law of England. Volume 1. Oxford: Clarendon Press, 1769. P. 464.

³ Phillimore R. Commentaries upon International Law. London, 1879. P. 5.

⁴ Diskant E.B. Comparative Corporate Criminal Liability: Exploring the Uniquely American Doctrine Through Comparative Criminal Procedure // *The Yale Law Journal*. 2008. № 1. P. 134.

⁵ *The Queen v. Birmingham and Gloucester Railway* [1842] 3 QB 223. URL: <http://www.commonlii.org/uk/cases/EngR/1842/81.pdf> (дата обращения: 23.03.2021).

быть признаны виновными и в ненадлежащем исполнении правомерных действий, которое доставило неудобства всему обществу (*public nuisance*). Дополнительно он указал, что корпорация не может быть обвинена в преступлениях против личности, государственной измене и лжесвидетельстве, поскольку их совершение подразумевает нарушение определённых социальных обязательств, присущих лишь физическим лицам.

В 1889 году Парламентом был принят *Interpretation Act*, содержащий в себе толкование основных терминов, употребляемых британскими законодателями. В этом законе указывалось, что под термином «лицо» (*person*) должны пониматься как физические, так и юридические лица. Таким образом, в необходимых случаях юридические лица могли подлежать ответственности наравне с физическими.

Применяемая на первых порах в Англии модель субсидиарной (замещающей) ответственности (*vicarious liability*), в соответствии с которой юридическое лицо отвечало за всех своих работников по праву «старшего», постепенно была заменена на прямую ответственность, согласно которой действия должностных лиц корпорации считались действиями самого юридического лица, а значит, оно отвечало не за чужую вину, а за свою собственную. Считается, что впервые подобная мысль была выдвинута в одном из гражданских дел¹, когда Виконт Холдэйн сказал, что «корпорация это абстракция, а значит, её ум и волю следует искать в человеке, который на самом деле является центром личности корпорации». В литературе такая модель была названа «теорией идентификации» и вскоре нашла своё подтверждение в ряде решений по уголовным делам².

Судья Лорд Деннинг (*Denning*) позже обосновывал новый подход тем, что рядовые служащие являются лишь «рабочими руками» корпорации и не могут отвечать за решения, принятые руководящими органами и топ-

¹ *Lennard's Carrying Co Ltd v Asiatic Petroleum Co Ltd* [1915] AC 705. URL: <http://www.uniset.ca/other/cs2/1915AC705.html> (дата обращения: 23.03.2021).

² *R. v. ICR Haulage Ltd* [1944] KB 551; *DPP v. Kent and Sussex Contractors Ltd* [1944] 1 All ER 119. Примеры даны по: *English Private Law* / Edited by Andrew Burrows. P. 622.

менеджерами, которые, фактически являясь «мозгом» корпорации, определяют её волю¹.

Эти решения знаменуют собой радикальное изменение отношения судов к ответственности юридических лиц, которое позволило привлекать компании к уголовной ответственности за преступления, при квалификации которых учитывалась необходимость наличия субъективной стороны (*mens rea*), что невозможно было ранее при применении доктрины замещающей ответственности. В новых условиях компания отождествлялась с действиями определённых должностных лиц, а не отвечала за любые проступки сотрудников, и ответственность была уже действительно личной.

В дальнейшем рамки ответственности были несколько расширены в деле *Tesco Supermarkets Ltd. v Nattrass*², в котором было установлено, что корпорация может быть отождествлена не только с непосредственными руководителями, но также и с иными лицами, если им на каком-либо основании были делегированы полномочия по управлению компанией.

В США развитие уголовной ответственности компаний шло схожим образом. Первоначально возможность уголовной ответственности корпораций отрицалась. Как постановил Верховный Суд штата Мэн в 1841 году, «Корпорация создаётся законом для достижения определённых целей. Она не способна своими действиями совершить преступление»³.

Тем не менее, в результате того, что Промышленная революция коренным образом изменила жизнь общества, появилось осознание того, что необходим механизм, регулирующий деятельность компаний и позволяющий привлекать их к ответственности за проступки. Именно в этот момент начинается активная законодательная деятельность, направленная на сдерживание корпораций – важнейшим актом стал *Interstate Commerce Act of*

¹[1957] 1 QB 159. URL: <https://lawcasesummaries.com/knowledge-base/h-l-bolton-engineering-co-ltd-v-t-j-graham-sons-ltd-1957-1-qb-159> (дата обращения: 23.03.2021).

² [1972] AC 153. URL: <http://www.bailii.org/uk/cases/UKHL/1971/1.html> (дата обращения: 23.03.2021).

³ Laufer W.S. *Corporate bodies and guilty minds: the failure of corporate criminal liability*. Chicago: The University of Chicago Press, 2008. P. 11.

1887, регулирующий сферу железнодорожных перевозок и направленный на поддержание конкуренции и малого бизнеса. В 1890 г. Конгрессом США был принят Закон Шермана (Sherman Antitrust Act), запрещающий монополизацию деятельности. Однако этих актов оказалось недостаточно, в связи с чем новый президент Т. Рузвельт дал Конгрессу указание об усовершенствовании мер, препятствующих вмешательству корпораций в торговлю между штатами. Так был принят Закон Элкинса (Elkins Act 1903).

Именно с этим законом связано решение Верховного суда США по делу *New York Central & Hudson River Railroad v. United States*¹, которое принято считать ключевым моментом, знаменующим рождение института уголовной ответственности компаний. Суду предстояло разрешить вопрос о конституционности положений Закона Элкинса, который регулировал железнодорожные тарифы и предусматривал уголовную ответственность для компаний, виновных в нарушении его норм. Закон Элкинса был принят Конгрессом США, которому до этого Конституцией было разрешено осуществлять уголовное преследование лишь по четырём видам преступлений: фальшивомонетчество, государственная измена, преступления на море и международные преступления. Дополнительно, Конгресс мог принимать законы, которые он считал «необходимыми и правильными», в рамках осуществления своих основных полномочий. Принимая решение, Верховный Суд посчитал полномочия Конгресса достаточными для того, чтобы устанавливать подобные уголовные санкции, а заявления корпорации о том, что она, будучи юридическим лицом, не может нести уголовную ответственность, поскольку она станет переложением вины конкретного работника на невинных акционеров, были отклонены. Для разрешения дела Судом была заимствована из деликтного права доктрина *respondeat superior* («пусть ответит старший»), налагающая на юридическое лицо ответственность за действия его работников в случае, когда проступок был

¹ 212 U.S. 481 (1909). URL: <https://www.law.cornell.edu/supremecourt/text/212/481> (дата обращения: 23.03.2021).

совершён при исполнении должностных обязанностей и в интересах компании. Суд отверг существовавшие ранее принципы и заявил о необходимости привлечения компаний к ответственности в подобных случаях и далее, ибо иначе «многие преступления останутся безнаказанными».

Несмотря на то, что именно упомянутое дело стало толчком к активному росту института уголовной ответственности компаний в США, предпосылки к его появлению были и раньше. Ещё в середине XIX века, за пятьдесят лет до принятия Закона Элкинса, в ряде штатов были случаи привлечения компаний к ответственности на основании доктрины *public nuisance*, заимствованной из Англии. Бóльшая часть решений была оставлена в силе вышестоящими инстанциями, постановившими, что уголовное преследование – практически единственный способ защиты своих прав, к которому в данном случае может прибегнуть общество¹.

Впоследствии Конгрессом были приняты многие законодательные акты, устанавливающие ответственность для компаний, но главным изменением, способствующим ещё большему расширению уголовной ответственности юридических лиц, стала норма нового Кодекса США, согласно которой, под лицом (*person*) понимались не только физические лица, но также и компании². Подобное нововведение позволило применять к компаниям различные нормы об ответственности даже в тех случаях, когда закон напрямую не называл юридическое лицо среди её субъектов. Молчание Конгресса по поводу двусмысленности названной нормы дало возможность судам действовать по собственному усмотрению, что вкупе с активными действиями прокуроров привело к формированию положительной практики по привлечению юридических лиц к уголовной ответственности.

Таким образом, появление и развитие института корпоративной уголовной ответственности в США было вызвано не только

¹ Diskant E.B. *Comparative Corporate Criminal Liability: Exploring the Uniquely American Doctrine Through Comparative Criminal Procedure*. P. 136.

² U.S.C. § 1: «The words ‘person’ and ‘whoever’ include corporations, companies, associations, firms, partnerships, societies, and joint stock companies, as well as individuals».

законодательными решениями, направленными на сдерживание корпораций, но и активностью прокуроров, а также благосклонностью судей, благодаря чему на ранних этапах была сформирована обширная практика, допускающая применение подобной ответственности. Дело *New York Central*, признавшее уголовную ответственность компаний на федеральном уровне, стало лишь логичным подтверждением тех общественных тенденций, которые складывалась на протяжении нескольких десятков лет до этого. Как указывал Верховный Суд штата Массачусетс, «опыт показал необходимость существенного изменения правил об ответственности»¹.

В конечном итоге, как справедливо отмечается в литературе, «история развития уголовной ответственности юридических лиц стала историей практики, находящейся в поисках теории»². В значимые моменты истории решения о привлечении компаний к ответственности, как правило, применялись не благодаря осознанному выбору законодателя, а в результате изменения социальных тенденций и давления извне. По сути, «доктрина корпоративной уголовной ответственности была разработана без какого-либо серьёзного теоретического обоснования»³. Однако несмотря на противоречивый путь, как отметила К. Брикки, корпоративная уголовная ответственность «обрела своё законное место рядом с иными институтами уголовного права и с тех пор процветает, стремясь снизить негативное влияние социальных и экономических проступков»⁴.

¹ Diskant E.B. *Comparative Corporate Criminal Liability: Exploring the Uniquely American Doctrine Through Comparative Criminal Procedure*. P. 137.

² Weissmann A., Newman D. *Rethinking Criminal Corporate Liability* // *Indiana Law Journal*. 2007. № 2. P. 418.

³ Там же. P. 418.

⁴ Brickey, K.F. *Rethinking Corporate Liability Under the Model Penal Code* // *Rutgers Law Journal*. 1988. № 19. P. 593.

1.3 Социально-правовые предпосылки уголовной ответственности юридических лиц в российском уголовном праве

При решении вопроса о необходимости введения уголовной ответственности юридических лиц целесообразно обратиться к накопленному опыту регулирования такой ответственности в российском праве.

Идея коллективной уголовной ответственности не нова для отечественного правопорядка. Наиболее ранние подобные нормы относятся к X-XII вв., их содержала ещё Краткая редакция Русской Правды. В её ст. 20 устанавливалась уголовная ответственность верви (общины) за деяния, совершённые кем-либо из её членов¹. О том же говорят и ст. 3-7, 77 Пространной редакции – ответственность верви в виде денежного взыскания (дикой виры) устанавливалась в случае, если по делам об убийстве не удавалось установить личность преступника, но все доказательства свидетельствовали о том, что он укрывается именно в этой верви². Тем не менее, стоит учитывать, что нормы того времени ещё не знали полноценной личной ответственности и стремились к ответственности коллективной – семьи, рода, общины. Таким образом, наряду с виновным лицом часто ответственность несли и в целом невиновные коллективные субъекты.

Подобная практика привлечения к уголовной ответственности всего коллектива сохранялась вплоть до принятия Соборного Уложения 1649 г. Уложение также предусматривало уголовную ответственность городов, сёл и общин за имущественные преступления, укрывательство преступников и недоносительство. Однако, некоторые статьи гл. XXI устанавливали, что в случае задержания вора, его необходимо пытаться на предмет установления лиц, которым он был известен в месте его поимки. В результате, круг

¹ Дёмин С.Г. Пределы уголовной ответственности юридических лиц в России. Дисс. канд. юрид. наук, 2014. С. 99.

² Семькина О.И. Уголовная ответственность юридических лиц в российском праве XIX–XX веков: законодательные, теоретические и правоприменительные аспекты: научно-практическое пособие. М.: Проспект, 2020. С. 18.

виновных лиц мог быть сужен и взысканию штрафа (государевой пени) в качестве наказания подвергалось не всё сообщество, а лишь его часть.

Таким образом, началось расширение критериев индивидуализации ответственности, и, несмотря на то, что всё еще сохранялись отдельные случаи несения коллективной ответственности (она встречается в Указах Алексея Михайловича, приказах Петра I, Артикуле воинском 1715 г.), к середине XIX века в уголовном законодательстве России установился принцип субъективного вменения.

С этой же датой связаны и наиболее острые дискуссии на тему коллективной уголовной ответственности, развернувшиеся в научной среде. Повышение интереса к этой проблеме во многом связано с тем, что Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. разделяло все уголовно-наказуемые деяния на преступления и проступки, при этом относя противоправные деяния юридических лиц к категории проступков и предусматривая в качестве наказания денежные штрафы. В частности, предусматривалась ответственность обществ за присвоение или растрату средств их должностными лицами (ст. 360), рекрутских участков за нарушения норм об учёте рекрутов (ст. 511-515), сельских и еврейских обществ за укрывательство военных беглецов (ст. 528, 530). Устав уголовного судопроизводства 1864 г. также предусматривал процессуальные меры в виде закрытия юридического лица за ряд преступлений и проступков против имущества и доходов казны (ст. 1152-1155)¹.

Такой подход законодателя поддерживался и многими дореволюционными учёными. Так, В. Д. Спасович считал разумным установление уголовной ответственности организаций за имущественные преступления, с наложением на них наказания в виде штрафов. С ним категорически не соглашался А. Пестржецкий, полагая, что в подобных случаях каждый «должен отвечать за себя и по мере своей вины» и

¹ Судебные Уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны. СПб, 1866.

установление коллективной ответственности недопустимо. Тем не менее, по его мнению, имущественная ответственность юридических лиц вполне оправдана за преступления, связанные с посягательством на публичные интересы (нарушения паспортного контроля, норм о государственных повинностях)¹.

В качестве исключения допускалась ответственность юридических лиц и за экологические преступления, преступления на железнодорожном транспорте, в области торговли и промышленности (А. О. Кистяковский), злоупотребления политическими правами, полицейские нарушения (Н. С. Таганцев), нарушения уставов казённых управлений (Н. А. Неклюдов)².

Среди возможных мер наказания назывались преимущественно денежные взыскания (штрафы) и прекращение деятельности юридического лица (ликвидация)³.

Тем не менее, независимо от положительного разрешения данного вопроса законодателем, большая часть научного сообщества всё же склонялась к невозможности привлечения юридических лиц к уголовной ответственности. К этому учёных подталкивали не только мысли о «фиктивной» правоспособности юридических лиц и принципе индивидуализации уголовного наказания, но и то, что фактически в Уложении о наказаниях 1845 г. не были закреплены общие нормы об основаниях уголовной ответственности юридических лиц, а также утверждался принцип личной ответственности, что в совокупности давало повод говорить о единственно возможном решении – только физическое лицо может быть признано субъектом преступления⁴.

Н. А. Неклюдов, комментируя свои прежние слова, писал, что в том смысле, в каком понимает уголовную ответственность Уложение о наказаниях 1845 г., привлекаться к ней могут лишь те участники

¹ Семькина О.И. Уголовная ответственность юридических лиц в российском праве XIX–XX веков: законодательные, теоретические и правоприменительные аспекты: научно-практическое пособие. С. 22.

² Там же. С. 22.

³ Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть Общая. Т. I. СПб, 1902. С. 369.

⁴ Там же. С. 370.

юридических лиц, которые «лично виновны в преступлении», а само коллективное образование подлежит только имущественной ответственности¹. За соблюдение принципа персональной вины выступал и Н. Д. Сергиевский, а Н. С. Таганцев называл деяния юридических лиц разновидностью соучастия, проявлением «виновности толпы, масс»².

Рассуждая о возможности уголовной ответственности юридических лиц, С. М. Будзинский обращался к теории фикции и писал, что корпоративная личность существует только в области гражданско-правовых отношений, а уголовное принуждение никоим образом не может быть направлено на имеющуюся «фиктивную волю»³.

О фиктивности юридического лица вспоминал и А. О. Кистяковский – признавая организацию фиктивным лицом, не способным «ни думать, ни желать» и настаивая на невозможности объективного вменения, он предлагал связывать преступления, совершённые юридическими лицами только с деяниями их представителей, действующих против цели и назначения таких юридических лиц⁴.

Я. И. Баршев объяснял невозможность применения уголовной ответственности в отношении коллективных субъектов тем обстоятельством, что к ним неприменимы традиционные виды наказаний, используемые уголовным правом⁵. В этом с ним соглашался и С. В. Познышев. Являясь сторонником теории юридического лица, предложенной Иерингом, он также указывал, что наказание должно быть соразмерно вине преступника. Вина же юридического лица, даже если она существует, не представляет собой какой-либо реальной величины, с которой судья мог бы это наказание соразмерить – она представляет собой лишь совокупность индивидуальных вин, которую

¹ Неклюдов Н.А. Общая часть уголовного права (конспект). С. 23.

² Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть Общая. Т. I. С. 371.

³ Семькина О.И. Уголовная ответственность юридических лиц в российском праве XIX–XX веков: законодательные, теоретические и правоприменительные аспекты: научно-практическое пособие. С. 11.

⁴ Кистяковский А.О. Элементарный учебник общего уголовного права с подробным изложением начал русского уголовного законодательства. Часть Общая. С. 299, 300.

⁵ Семькина О.И. Указ. соч. С. 15–16.

невозможно привести к общему знаменателю. Если представить вину юридического лица как вину его наиболее виновных членов, то менее виновные получат наказание сверх меры, если же наоборот – более виновные избегут должной ответственности. В свою очередь подход, согласно которому, нужно определять наказание участника, учитывая только его собственную вину, фактически ничем не будет отличаться от личной уголовной ответственности за соучастие, что лишает нас самой сути института уголовной ответственности юридических лиц¹.

Судебная практика тех лет по делам об уголовной ответственности юридических лиц также не была однозначной. Статья 15 Устава уголовного судопроизводства 1864 г. устанавливала, что каждый несёт ответственность только за себя. В соответствии с этим, уголовный кассационный департамент Сената в решении 1884 г. № 4 указывал, что юридическое лицо не отвечает за преступления, совершённые его участниками или представителями, поскольку они должны нести личную ответственность. В других решениях Сенат оставался на той же позиции – «провоз контрабанды одним из агентов транспортного общества не даёт права на привлечение к уголовной ответственности целого правления»; «если проступок, совершённый представителем юридического общества или его агентами, заключается в учинении какого-либо деяния, воспрещённого законом под страхом наказания, то отвечают за него все те лица, которые приняли участие в его совершении, по общим правилам о соучастии»². Однако, в ином деле, касающемся обвинения в лесной порубке, Сенат допускал коллективную ответственность «целого крестьянского общества без поимённого указания имён обвиняемых». Причиной такой противоречивости судебной практики можно считать уточнение, содержащееся в ст. 15 Устава 1864 г. – «за подсудимого могут отвечать и другие лица, но лишь в указанных законом случаях».

¹ Познышев С.В. Основные начала науки уголовного права. Общая часть уголовного права. М.: Издание А.А. Карцева, 1912. С. 129.

² Примеры приведены по: Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть Общая. Т. I. С. 370–379.

Тем не менее, несмотря на многочисленные споры и противоречия в теории и практике относительно уголовной ответственности юридических лиц, доминирующей позицией в дореволюционной России всё же считалась невозможность юридического лица выступать субъектом преступления, которая объяснялась в первую очередь фиктивностью такого лица и главенством принципа личной ответственности, а иные точки зрения представлялись лишь как исключения, обусловленные «действительным общественным интересом» и «действительной потребностью»¹.

Переход к плановой экономике социалистического государства коренным образом изменил статус юридических лиц и заново поставил вопрос о характере их ответственности.

Советская наука однозначно склонялась к мысли о невозможности признания юридического лица субъектом преступления. Причинами этого, в том числе, называют доминирование в гражданском обороте юридических лиц, полностью подконтрольных государству, что поставило крест на институте их ответственности, поскольку государство не могло одновременно нарушать закон и применять к себе санкции². Это обстоятельство также послужило причиной исключения норм об уголовной ответственности юридических лиц из окончательной редакции Уголовного кодекса РСФСР 1926 г, хотя в Проекте, разработанном НКЮ РСФСР они содержались. Фактическая же невозможность юридического лица быть субъектом уголовной ответственности объяснялась буквальным толкованием ст. 2-5 Уголовного кодекса РСФСР 1926 г., в которых указывалось, что действию кодекса распространяется лишь на граждан и иностранных лиц³.

М. М. Исаев считал, что совершение преступления должностными лицами не делает организацию субъектом уголовной ответственности. Свою точку зрения он иллюстрировал конкретными примерами – в случае

¹ Познышев С.В. Основные начала науки уголовного права. Общая часть уголовного права. С. 130.

² Дёмин С.Г. Пределы уголовной ответственности юридических лиц в России. С. 102.

³ Там же. С. 229.

задержек выплат по контракту к ответственности привлекались виновные работники, а не юридическое лицо в целом, а при выпуске организациями денежных суррогатов ответственность несли их руководители¹.

Несмотря на общее непризнание юридического лица субъектом преступления, в первые годы существования советского государства нормы об уголовной и квазиуголовной коллективной ответственности закреплялись в широком перечне принимаемых нормативных актов, что часто объяснялось политической направленностью уголовных мер, их реакционностью. Одним из первых таких актов являлось Постановление Совета рабочей и крестьянской обороны РСФСР от 3 июня 1919 г. «О мерах по искоренению дезертирства», которое предписывало назначать принудительные работы и денежные штрафы не только семьям дезертиров, виновных в укрывательстве, но и целым волостям, сёлам и деревням, в которых те скрывались.

Декрет СНК РСФСР от 28 января 1918 г. «О революционном трибунале печати» позволял за преступления и проступки против прав и интересов народа применять к изданиям печати наказания в виде штрафов, конфискации имущества, приостановки или изъятия издания из обращения. Подобные нормы содержал и Декрет СНК РСФСР от 9 февраля 1922 г. «Об ответственности за уничтожение и порчу геодезических знаков» – восстановление испорченных знаков могло быть осуществлено за счёт обществ, на участках которых были установлены эти знаки.

Отмечается, что важным обстоятельством, затрудняющим разграничение индивидуальной и групповой ответственности, было то, что советский законодатель на ранних этапах своего правотворчества в ряде случаев отказывался от понятия вины в пользу понятий «социальная опасность», «объективная ответственность за результат». Итогом этого явилось то, что оценка преступности деяния стала связываться в первую

¹ Семькина О.И. Уголовная ответственность юридических лиц в российском праве XIX–XX веков: законодательные, теоретические и правоприменительные аспекты: научно-практическое пособие. С. 44.

очередь с социально-политической направленностью такого деяния против установленного правопорядка¹.

Закрепление принципа персональной виновной уголовной ответственности в Уголовном кодексе РСФСР 1960 г. способствовало распространению негативного отношения к ответственности коллективных субъектов. Справедливо указывалось, что привлечение к ответственности юридических лиц противоречит этому базовому принципу, а в качестве примера приводилась ответственность за вынесение заведомо неправосудного приговора, которую нёс конкретный судья, а не суд в целом. Отмечалось также, что уголовная ответственность юридических лиц не соответствует целям уголовного наказания и что в случае, если в норме Особенной части не указан круг лиц, отвечающих за действия организации, то виновные лица должны устанавливаться в каждом конкретном случае в зависимости от обстоятельств дела². Негативную окраску институту уголовной ответственности юридических лиц придавала и популярная точка зрения, согласно которой, в буржуазном уголовном праве данный институт использовался как инструмент классовой борьбы и ограничения прав трудящихся³.

В конечном итоге, несмотря на, в целом, негативное восприятие уголовной ответственности юридических лиц в научной среде, подход советского законодателя отличался двойственностью – юридические лица не признавались субъектом преступления, и закреплялся принцип личной ответственности, однако во многих случаях в отношении коллективных образований допускалось применение принудительных мер, по своему характеру схожих с уголовными.

¹ Семькина О.И. Уголовная ответственность юридических лиц в российском праве XIX–XX веков: законодательные, теоретические и правоприменительные аспекты: научно-практическое пособие. С. 43.

² Курс советского уголовного права (Часть Общая) Т. I. / отв. ред. проф. Н.А. Беляев, проф. М.Д. Шаргородский. М.: Изд-во Ленинградского университета, 1968. С. 355–356.

³ Орлов В.С. Субъект преступления // Советское уголовное право. Общая часть / под ред. Меньшагина В.Д., Дурманова Н.Д., Кригера Г.А., Кудрявцева В.Н. М.: Изд-во Московского университета, 1974. С. 108.

В следующий раз жаркие споры вокруг ответственности юридических лиц развернулись лишь в 90-е годы. По инициативе Министерства юстиции РФ в 1991-92 гг. были последовательно разработаны два варианта проекта Уголовного кодекса РФ, содержащие в себе положения об уголовной ответственности юридических лиц.

Основной идеей предложенных концепций уголовной ответственности юридических лиц было противостояние экологической преступности – авторы указывали, что степень общественной опасности таких преступлений и тяжесть причинённого ущерба несоизмеримы имеющимся мерам административной и гражданской ответственности. Кроме того, утверждалось, что «выгодоприобретателями» при совершении экологических преступлений являются не только непосредственные исполнители и руководство организаций, но и прочие работники¹.

Предлагалось введение принципа «виновной ответственности юридических лиц», основанием которой считалось совершение физическим лицом преступления в интересах юридического лица. Целью наказания должно было стать возмещение причинённого вреда, а система наказаний предполагала возложение обязанности загладить причинённый вред, штраф, приостановление и прекращение деятельности юридического лица.

Многие из предложенных положений подверглись критике в научной среде. В частности, несмотря на декларируемую «виновную ответственность» организаций, проект не раскрывал самого понятия вины юридического лица. Н. Е. Крылова также ставила под сомнение чрезмерную сосредоточенность составителей на экологических преступлениях, поскольку деятельность юридических лиц может охватывать значительно большее количество сфер общественной жизни². Говорили и о том, что предлагаемые

¹ Преступление и наказание. Комментарий к проекту Уголовного кодекса России / под ред. проф. Н.Ф. Кузнецовой и проф. А.В. Наумова. М.: Де-Юре, 1993. С. 297.

² Крылова Н.Е. Уголовная ответственность юридических лиц (корпораций): сравнительно-правовой анализ // Взаимодействие международного и сравнительного уголовного права: учебное пособие / под ред. проф. Н.Ф. Кузнецова, проф. В.С. Комиссарова. М.: Изд. дом «Городец», 2009. С. 77–78.

санкции вполне реализуемы в виде гражданско-правовой ответственности, в связи с чем введение уголовных мер является излишним. Вспоминались также и традиционные доводы о несоответствии предлагаемой концепции принципу личной ответственности и целям назначения наказания¹.

Лишь немногие поддержали выдвинутые идеи, соглашаясь, что введение уголовной ответственности юридических лиц усилило бы охрану наиболее ценных объектов и обращая внимание на то, что масштаб экологических катастроф сложно соотносить с индивидуальной ответственностью отдельных исполнителей, поскольку причастных к ним лиц обычно намного больше².

В 1994 г. был представлен очередной проект Уголовного кодекса РФ, который также не оставил без внимания институт ответственности юридических лиц.

Новый проект расширил рамки возможностей привлечения организаций к ответственности – теперь их предлагалось наказывать не только за преступление, совершённое «в интересах юридического лица либо одобренное им», но и за виновное «неисполнение прямого предписания закона, устанавливающего обязанности или запрещающего определённую деятельность», а также за виновное «осуществление деятельности, не соответствующей целям организации или его учредительным документам».

Некоторым изменениям подверглась и предложенная система наказаний – в неё вошли штраф, запрет на занятие определённой деятельностью, прекращение деятельности и ликвидация юридического лица, а также конфискация имущества ликвидированной организации.

Комментируя данные предложения, С. Г. Келина в их поддержку вновь указала, что вред, причиняемый деяниями юридических лиц несоразмерен

¹ Семькина О.И. Уголовная ответственность юридических лиц в российском праве XIX–XX веков: законодательные, теоретические и правоприменительные аспекты: научно-практическое пособие. С. 50.

² Келина С.Г., Гальперин И.М., Игнатов А.Н., Красиков Ю.А., Миньковский Г.М. и др. Концепция уголовного законодательства РФ // Государство и право. 1992. № 8. С. 44.

ответственности, которую за это несут отдельные их руководители, а сама такая ответственность вызвана во многих случаях объективным вменением¹. В качестве довода в пользу введения уголовной ответственности юридических лиц также называлась системная близость уголовного права с правом административным, которое уже несколько десятилетий содержит нормы об ответственности организаций за правонарушения².

Несмотря на ряд проектов, предполагающих введение уголовной ответственности юридических лиц, конечная редакция Уголовного кодекса 1996 г. отвергла эту идею и признала физическое лицо единственным субъектом уголовной ответственности. Своеобразной альтернативой стала ответственность юридических лиц, которая устанавливается нормами Кодекса об административных правонарушениях 2001 г. Таким образом, на некоторое время споры в научном сообществе о необходимости введения этого института слегка утихли, что несколько не снижает общую дискуссионность данной темы. Попытки разработок новых концепций уголовной ответственности юридических лиц возникают до сих пор.

¹ Келина С.Г. Ответственность юридических лиц в проекте нового УК Российской Федерации // Уголовное право: новые идеи / под ред. С.Г. Келиной и А.В. Наумова. М.: ИГиП РАН, 1994. С. 55.

² Там же. С. 57.

2 ИНСТИТУТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

2.1 Уголовная ответственность юридических лиц в странах общего права

Преобладающая позиция юрисдикций, представляющих общее право (или, по крайней мере, тех стран, которые входят в Британское Содружество), по поводу ответственности юридических лиц в настоящее время заключается в том, что компании могут быть признаны виновными наравне с физическими лицами практически во всех преступлениях, учитывающих в своём составе субъективную сторону (*mens rea*). Исключения составляют лишь немногие преступления, такие как лжесвидетельствование, двоежёнство и изнасилование, т.к. считается, что они могут быть совершены лишь физическими лицами. При этом, в большинстве стран не исключается и ответственность за непредумышленное убийство¹. Иная ситуация складывается в Новой Зеландии – законодательная формулировка предусматривает убийство «человека человеком» (*the killing of a human being by another*), в связи с чем уголовная ответственность юридических лиц за такое преступление отрицается. Тем не менее, за те преступления, в которых корпорация не может быть исполнителем, она всё ещё может понести ответственность в качестве соучастника².

В Великобритании, Канаде, Австралии и Новой Зеландии применяются два основных способа привлечения корпоративных субъектов к уголовной ответственности, оба из которых полагаются на понимание юридического лица как фиктивной сущности.

Первый из них – теория замещающей ответственности (*vicarious liability*). Как уже упоминалось, несмотря на первоначальное неприятие, в

¹ Wilkinson M. Corporate Criminal Liability – The Move Towards Recognizing Genuine Corporate Fault. URL: <http://www.nzlii.org/nz/journals/CanterLawRw/2003/5.html> (дата обращения: 29.03.2021).

² Там же.

итоге она была заимствована из гражданского права ещё в XIX веке. По общему правилу считается, что организация не может отвечать за своих работников, ибо каждый несёт ответственность за своё поведение самостоятельно (*stand or fall by their own behaviour*), однако законом может быть установлено специальное правило, налагающее на компанию абсолютную ответственность за действия её работников, причём даже в тех случаях, когда компания не давала согласия на подобные действия, либо они были прямо запрещены её внутренним регламентом. Из этого следует, что замещающая ответственность не должна применяться в ситуациях, когда закон прямо не оговаривает, что за действия сотрудников несёт ответственность их работодатель. В действительности же, как отмечается, подобные оговорки в законодательных актах встречаются «редко, если они вообще бывают»¹.

Замещающая ответственность может налагаться за совершение преступлений, не требующих доказывания наличия субъективной стороны. Чаще всего такая ответственность применяется в связи с правонарушениями в области здравоохранения или экологического права². Общая идея такой ответственности в том, что компания несёт ответственность за действия или бездействие своих работников, совершённые ими в рамках осуществления должностных обязанностей. При этом абсолютно не имеет значения положение данного работника – им может быть как высшее должностное лицо, так и рядовой сотрудник. Кроме того, лицо не обязательно должно состоять в штате организации – оно может быть и временно нанятым представителем, главное, чтобы он действовал в рамках своих полномочий. Таким образом, такая теория несколько не пытается приписать противоправные действия самой компании – она просто перекладывает на

¹ Wells C. Criminal Responsibility of Legal Persons in Common Law Jurisdictions // OECD Anti-Corruption Unit – Working Group on Bribery in International Business Transactions. Paris, 2000. P. 4.

² Grimes J. Corporate criminal liability in the UK: the introduction of deferred prosecution agreements, proposals for further change, and the consequences for officers and senior managers // URL: global.practicallaw.com/4-547-9466 (дата обращения: 29.03.2021).

неё ответственность за чужие поступки, совершенно не основанные на собственной вине компании. Именно неприятие подобного искажения концепции вины является той причиной, по которой происходит постепенное сужение использования теории замещающей ответственности. Кроме того, недостатком теории является излишнее расширение границ ответственности, когда компания должна отвечать за проступки сотрудников, которые она не могла предвидеть и на которые она никак не могла повлиять.

Иной способ, со временем вытеснивший замещающую ответственность – теория идентификации (*identification theory*), иногда называемая также теорией Альтер-эго¹ или органической теорией. Данная концепция исходит из того, высшие должностные лица представляют собой «разум и волю» корпорации, а потому, виновные действия таких высших должностных лиц считаются действиями самой компании. Именно теория идентификации позволяет привлекать корпорации к ответственности за преступления, обязательным признаком которых является наличие вины, поскольку вина отдельного работника отождествляется с виной всей корпорации.

В этой связи важным является определение того, насколько высокое положение должен занимать конкретный работник, чтобы его можно было представить как «разум и волю» всей компании.

Большое значение при ответе на этот вопрос имеет решение по делу *Tesco Supermarkets Ltd v. Nattrass*, в котором менеджеру одного из сетевых супермаркетов Tesco было предъявлено обвинение в нарушении *Trade Descriptions Act 1968*, поскольку заявленная цена одного из товаров была ниже той, по которой этот товар был продан потребителю. Владелец сети супермаркетов пытался избежать наложения ответственности на компанию Tesco, заявляя, что причиной нарушения стали собственные действия менеджера, а сам владелец принял «все разумные меры предосторожности, чтобы избежать совершения преступления им самим либо кем-то,

¹ Однако, как иногда справедливо указывается в литературе, наименование «Альтер» не совсем точно отражает суть теории, т.к. работник и компания являются собой не две личности в одной, а единое «я».

находящимся под его непосредственным контролем». Палата Лордов постановила, что менеджер, управляющий филиалом, не может считаться лицом, контролирующим компанию, а мер предосторожности, принятых руководством Tesco, было достаточно для того, чтобы в данном случае избежать ответственности. Несмотря на то, что окончательного мнения по проблеме определения «разума» компании сформировано не было, каждый из судей предложил свой вариант решения. Так, Лорд Рид сказал, что отождествляться с компанией могут «совет директоров, управляющий директор и, возможно, некоторые иные высшие должностные лица, которые имеют функции управления, а также говорят и действуют от лица компании». По мнению Лорда Диплока, это должны быть «физические лица, которым в соответствии с уставом организации, либо решением совета директоров или общего собрания предоставлены полномочия выступать от имени компании». Наиболее строгий критерий был предложен Виконтом Дилхорном, который считал, что компанию следует отождествлять исключительно с лицом, которое фактически контролирует всю деятельность компании либо её часть, и при этом лишено необходимости нести ответственность за выполнение своих действий перед другим лицом, а также подчиняться чьим-либо приказам.

Основным замечанием относительно позиции, сформированной в деле Tesco, является то, что она «искусственная и недостаточно гибкая»¹. Согласно ей, лица, представляющие собой «разум и волю» компании, должны находиться непременно на высшей ступени в организационной структуре корпорации. Однако в крупных корпорациях управленческие функции очень часто бывают сильно расплывены и ключевые решения могут приниматься на уровне отдельных филиалов и подразделений. Если следовать формальной логике предложенных вариантов, то во многих

¹ Grimes J. Corporate criminal liability in the UK: the introduction of deferred prosecution agreements, proposals for further change, and the consequences for officers and senior managers. URL: global.practicallaw.com/4-547-9466 (дата обращения: 29.03.2021).

подобных случаях крупные корпорации будут избегать ответственности, поскольку звенья, непосредственно отвечающие за принятие решений, находятся слишком низко в иерархии корпорации, что не позволяет считать их её главным «мозговым центром». В свою очередь, небольшие организации более консолидированы, что ставит их в неоправданно невыгодное положение относительно возможности привлечения к ответственности.

Выводы, сделанные в деле *Tesco*, были оспорены Судебным Комитетом Тайного Совета при рассмотрении им дела *Meridian Global Funds Management Asia Ltd v. Securities Commission*¹. Двое мужчин были наняты компанией *Meridian* в качестве инвестиционных менеджеров. По законодательству Новой Зеландии, лица, ставшие крупными держателями акций публичной компании, обязаны в установленные сроки произвести их регистрацию в целях публичного уведомления. Сотрудники *Meridian* использовали для приобретения акций средства компании и вопреки закону не осуществили положенной регистрации. Рассмотрев это дело, Суд предложил иные критерии для идентификации работника и компании. Лорд Хоффман заявил, что, несмотря на то, что принцип идентификации в целом стоит признать верным, существуют случаи, в которых необходимо выйти за пределы столь узкого его толкования. Для принятия решения мы должны взглянуть на норму закона и определить те цели, которых законодатель хотел достигнуть. Если рассматриваемая норма закона конструировалась для привлечения к ответственности компаний, однако в конкретном случае невозможно ни применение замещающей ответственности (в связи с требованием наличия *mens rea*), ни теории идентификации (потому что виновный сотрудник не является представителем высшего звена), то неприменение мер ответственности к юридическому лицу поставит под сомнение работоспособность закона и достижение законодателем своих целей. По мнению Суда, в деле *Meridian* привлечение компании к ответственности

¹ [1995] UKPC 5. URL: <https://www.bailii.org/uk/cases/UKPC/1995/5.html> (дата обращения: 23.03.2021).

было необходимо, поскольку норму соответствующего закона следует толковать как утверждение о том, что компания знает о приобретении акций с того момента, как об этом узнаёт лицо, осуществившее такую сделку. Обратная точка зрения позволила бы высшему руководству действовать недобросовестно, поручая приобретение акций сотрудникам низших звеньев и перелагая ответственность на них. При этом, рассматривая подобные дела, суды в каждом случае должны задавать вопрос – чьи действия для целей закона должны считаться действиями компании? Следуя подобной логике, в зависимости от толкования применяемой нормы закона, компания может быть идентифицирована как с действиями высших руководителей, так и сотрудников, занимающих более низкое положение¹.

Комментируя решение Meridian, авторы отмечают, что подобная модель не только расширила возможности привлечения юридических лиц к ответственности, но также устраняет проблему различия лиц, наделённых формальными полномочиями и лиц, осуществляющих фактически действия, наносящие ущерб, позволяя при необходимости применить меры ответственности на основе отождествления компании в равной степени как с теми, так и с другими².

Однако, при всей своей универсальности, позиция Meridian (rule of attribution) остаётся лишь специальным способом, применяемым тогда, когда невозможно использование замещающей ответственности или традиционной теории идентификации. Это связано с тем, что бóльшая гибкость приводит к бóльшей неопределённости в отношении того, кто должен считаться надлежащим лицом для отождествления с компанией. Как пишет Б. Робертсон, в итоге эффект Meridian состоит в том, «чтобы заменить достаточно определённое правило утверждением о том, что никакого

¹ [1995] UKPC 5. URL: <https://www.bailii.org/uk/cases/UKPC/1995/5.html> (дата обращения: 23.03.2021).

² Wilkinson M. Corporate Criminal Liability – The Move Towards Recognizing Genuine Corporate Fault. URL: <http://www.nzlii.org/nz/journals/CanterLawRw/2003/5.html> (дата обращения: 29.03.2021).

правила нет»¹. Даже сам Лорд Хоффман в своём решении осторожно указывал, что не следует полагать, будто действия младшего персонала каждый раз могут отождествляться с действиями всей компании.

О непоколебимости модели Tesco заявил и Апелляционный суд Англии и Уэльса, рассматривая обращение Генерального прокурора в связи с крушением поездов на станции Соутолл в 1997 г.² Им же была подтверждена мысль о том, что модель Meridian может применяться лишь по делам, возникающим из нарушения закона, но никак не в связи с преступлениями общего права. Таким образом, несмотря на критику, позиция по делу Tesco до сих пор остаётся ведущей при наложении корпоративной уголовной ответственности за преступления, требующие наличия *mens rea*, что подтверждается более свежей практикой³.

Интересно, что до недавнего времени британское законодательство не содержало специальных актов, содержащих нормы об ответственности юридических лиц. Уголовное преследование юридических лиц регулировалось общим (прецедентным) правом и, как упоминалось ранее, ответственность к компаниям применялась на основании толкования термина «*person*», содержащегося в новой редакции Identification Act 1978. Благодаря использованию этой нормы, юридические лица могут привлекаться к ответственности за совершение практически любого правонарушения, если прямо не указано обратное. Исключениями являются лишь те преступления, в качестве единственного наказания за которые предусмотрено лишение свободы, либо которые по своему характеру могут быть совершены только физическими лицами (государственная измена, умышленное убийство).

Однако в последние годы в Великобритании наметилась тенденция к постепенному отходу от общеправового принципа идентификации, который

¹ Grantham R., Robertson B. Corporate Knowledge – Two Views on Meridian // New Zealand Business Law Quarterly. 1996. № 2. P. 63, 71.

² Elliott C., Quinn F. Criminal Law. Pearson, 2016. P. 337.

³ [2011] EWCA Crim 2527. URL: <https://www.bailii.org/ew/cases/EWCA/Crim/2011/2527.html> (дата обращения: 21.02.2021).

признаётся частично устаревшим и требующим реформ¹. Одним из законов, направленных на отклонение от принципа идентификации является относительно недавний Bribery Act 2010, устанавливающий ответственность за взяточничество.

В частности, статья 7 Закона вводит правонарушение в виде «неспособности предотвратить взятку», совершённую «лицом, связанным с организацией». Под таким лицом понимается любое лицо, выполняющее действия (кроме дачи взятки) в интересах организации независимо от того, как именно оформлены его полномочия (работник, представитель, дочерняя организация). При этом, если указанное лицо является работником, совершение им действий в интересах компании презюмируется, если не доказано иное. В законе отдельно оговаривается, что компания может быть обвинена в неспособности предотвратить взятку независимо от того, было ли привлечено к ответственности само лицо, давшее взятку. Единственным способом для компании избежать ответственности за такое правонарушение является доказывание того, что компания осуществила все необходимые меры, направленные на предотвращение совершения таких преступлений лицами, связанными с ней.

Важной особенностью акта является его экстерриториальность и возможность применения к компаниям, находящимся за пределами Королевства. Компания может быть привлечена к ответственности даже в случае, если подкуп совершён за пределами Великобритании и в отношении лиц, не являющихся её гражданами. Для наложения ответственности необходимо лишь, чтобы взятка была совершена работником или представителем компании, которая ведёт хотя бы часть своей деятельности в Великобритании (например, имеет филиал или представительство).

Ещё одной отличительной чертой Закона о взяточничестве является размер штрафа, который в некоторых случаях может быть неограниченным.

¹ Tuson A. Corporate Criminal Liability – Perspectives from the US, UK and France. URL: <https://www.bclplaw.com/en-GB/insights/corporate-criminal-liability-perspectives-from-the-us-uk-and.html> (дата обращения: 30.03.2021).

Подобное наказание вкупе с принципом экстерриториальности позволяет назвать этот закон одним из самых жёстких антикоррупционных актов мира¹.

Самым спорным случаем привлечения компаний к ответственности является обвинение в непредумышленном убийстве (*manslaughter*). Как и прочие преступления, ранее оно регулировалось нормами общего права, согласно которым, компании привлекались к ответственности, если гибель работника при исполнении обязанностей была вызвана грубой небрежностью компании (*gross negligence*). Применение доктрины идентификации на практике означало, что должны быть открыты два дела – против компании и против должностного лица, непосредственно виновного в убийстве. Критика такого подхода стала основанием принятия *The Corporate Manslaughter and Corporate Homicide Act 2007* (далее – СМСНА), который устанавливает ответственность за корпоративное убийство по неосторожности.

Согласно нормам СМСНА, компания подлежит ответственности за убийство по неосторожности, если способ управления или организация её деятельности (а) вызывает гибель человека и (б) представляет собой грубое нарушение обязанности по заботе о погибшем со стороны компании (с. 1).

Нарушение является «грубым» если поведение компании намного ниже того, которое следует «разумно ожидать» при данных обстоятельствах. При этом, обязанность проявлять заботу (*duty of care*) может накладываться на компанию в различных случаях, а именно: в отношении своих работников и иных нанятых лиц; арендаторов недвижимости, когда компания должна обеспечивать надлежащее состояние предмета аренды; потребителей товаров и услуг организации; лиц, находящихся под стражей, либо в полиции или суде, а также под надзором в ином государственном учреждении, а также при осуществлении организацией строительных и ремонтных работ; деятельности, связанной с использованием или хранением оборудования, транспортных средств или иных объектов; иной коммерческой деятельности.

¹ Голованова Н.А. Уголовная ответственность юридических лиц в международном и национальном праве (сравнительно-правовое исследование). С. 82.

Организация признаётся виновной только в случае, если способ или организация управления являются существенным элементом нарушения указанной обязанности. Таким образом, как указывается в литературе, СМСНА подменяет обычный принцип идентификации указанием на грубую небрежность компании¹.

Ещё одним условием привлечения к ответственности является нарушение обязанности именно высшим должностным лицом, под которым понимается лицо, играющее важную роль в принятии решений по управлению или организации деятельности, а также лицо, фактически занимающееся таким управлением или организацией деятельности (с. 1).

Закон о корпоративных убийствах распространяется как на частные, так и на государственные компании. Кроме того, в некоторых ситуациях к ответственности могут быть привлечены правительственные ведомства и иные государственные органы, что является довольно нетипичным случаем, поскольку обычно они защищены иммунитетом Короны, а многие из них вообще не являются юридическими лицами в том смысле, который предполагается уголовным законодательством. Тем не менее, нормы СМСНА не применяются по отношению к физическим лицам, поэтому привлечение непосредственных исполнителей возможно лишь с использованием старых норм общего права и некоторых специальных законов.

Новый закон в качестве основного наказания для юридических лиц предусматривает штраф, размер которого не ограничен (с. 1). Помимо этого, суд может наложить на компанию обязанность устранить нарушения, которые привели к гибели человека, а также опубликовать сведения о совершённом преступлении и приговоре.

Первой компанией, осужденной по новому закону, стала Cotswold Geotechnical Holdings. Работник, нанятый компанией, погиб в результате обрушения стен траншеи, в которую он спустился для того, чтобы взять образцы грунта. Обвинение настаивало на том, что компания

¹ Elliott C., Quinn F. Criminal Law. P. 340.

проигнорировала правила техники безопасности, согласно которым, сотрудники не должны заходить в неукреплённые ямы глубиной более 120 см. Компания была признана виновной в убийстве по неосторожности, в качестве наказания ей был назначен штраф в размере 385 тыс. ф. ст., который она должна выплатить в течение 10 лет¹.

Среди наказаний, применяемых в рамках общего права к юридическим лицам в Великобритании, можно назвать штраф, конфискацию имущества и незаконных доходов, запрет на заключение государственных контрактов, а также присуждение компенсации в пользу пострадавшего лица.

При этом, в ряде случаев уголовные штрафы могут быть настолько высокими, что приведут к банкротству самой организации. В Рекомендациях по назначению наказания по делам о корпоративных убийствах говорится, что, «несмотря на актуальность данной проблемы, иногда такое последствие можно считать приемлемым»². В одном из дел суд также назвал возможным наложение штрафа, ведущего к немедленной несостоятельности компании³.

При назначении наказания учитывается вина юридического лица, размер ущерба, который был причинён либо мог быть причинён с разумной степенью вероятности, было ли преступление заранее спланировано, привело ли оно к получению компанией крупной прибыли, а также совершало ли данное юридическое лицо преступления ранее.

Добровольное признание вины и сотрудничество также позволяют снизить размер наказания, а в ряде случаев полностью избежать его. Например, в 2007 году авиакомпания British Airways заключила антиконкурентное соглашение о повышении цен с Virgin Atlantic, в результате чего Управлением по честной торговле (Office of Fair Trading) на неё был наложен штраф в размере 121,5 млн фунтов стерлингов. Компания

¹ [2011] EWCA Crim 1337. URL: <https://www.bailii.org/ew/cases/EWCA/Crim/2011/1337.html> (дата обращения: 21.02.2021).

² Sentencing Guideline Council. Sentencing Guideline. URL: <https://www.sentencingcouncil.org.uk/offences/crown-court/item/corporate-manslaughter/> (дата обращения: 29.03.2021).

³ Clifford Chance. Corporate Liability in Europe. URL: https://www.cliffordchance.com/content/dam/cliffordchance/PDF/European_Technical_Bulletin.pdf (дата обращения: 29.03.2021).

Virgin Atlantic избежала ответственности, поскольку согласно политике Управления компания, которая первой заявила о подобном соглашении, имеет право на полный иммунитет в отношении штрафных санкций. Подобный иммунитет распространяется также и на должностных лиц, вовлечённых в совершение преступления и признавших свою вину¹.

Что касается США, то в настоящее время их право на федеральном уровне допускает уголовную ответственность юридических лиц. Многие федеральные законы содержат определения субъектов, которые подпадают под их действие, в числе которых находятся и юридические лица. При применении других законов суды руководствуются общими положениями Кодекса США, которые указывают, что под лицом (person) помимо физических лиц, должны пониматься, в том числе и корпорации, товарищества, общества, ассоциации и иные объединения, если прямо не указано обратное.

Решение по упомянутому ранее делу New York Central было воспринято как решительное одобрение корпоративной уголовной ответственности в целом и доктрины respondeat superior в частности, которая с тех пор стала на постоянной основе применяться федеральными судами. В соответствии с ней, для обвинения корпорации в преступном поведении необходимо соблюдение трёх условий – деяние должно быть совершено а) должностным лицом, служащим или иным представителем компании, б) в рамках исполнения должностных обязанностей, в) хотя бы частично в интересах компании. Определение того, входят ли действия лица в сферу его служебных обязанностей, заключается в ответе на вопрос, выступает ли это лицо от имени компании при осуществлении своих действий, а также мотивированы ли такие действия желанием принести пользу компании. В случае положительного ответа, компания будет нести ответственность за

¹ Clifford Chance. Corporate Liability in Europe. URL: https://www.cliffordchance.com/content/dam/cliffordchance/PDF/European_Technical_Bulletin.pdf (дата обращения: 29.03.2021).

своего представителя даже в том случае, если она прямо приказала ему не совершать те действия, что в итоге причинили вред¹.

По общему правилу компания привлекается к ответственности на основании виновных действий своего сотрудника, однако встречаются случаи, когда действия ни одного из сотрудников в полной мере не образуют состав преступления, что позволяет корпорации уйти от ответственности, поскольку она может быть привлечена к ней, только если возможно привлечь к ответственности хотя бы одного из её работников. Во избежание подобных ситуаций, в дополнение к *respondeat superior* правом США была разработана теория «коллективного знания» (*collective knowledge*). Согласно этой теории, знания и поведение нескольких сотрудников в совокупности признаются знанием и поведением корпорации. Применение подобного «корпоративного знания» позволяет обойти указанные случаи и, таким образом, при необходимости на корпорацию может быть наложена ответственность даже тогда, когда ни один из её сотрудников по отдельности не мог бы быть обвинён в совершённом преступлении. Данная теория коллективного знания была применена в деле *United States v. Bank of New England*², когда один из клиентов Банка осуществил более 30 транзакций на сумму 10 000 долларов, предъявив кассиру несколько чеков. Законодательство США предусматривает обязательную регистрацию таких сделок, которая не была осуществлена кассиром Банка. Банк пытался освободиться от ответственности, заявляя, что ни у одного из сотрудников не было намерения нарушить закон, поскольку кассир, который осуществлял операцию, не знал о необходимости регистрации, а сотрудник, который знал о регистрации, не знал о проведении этой сделки. Суд в своём решении отказался освободить Банк от ответственности, указав, что корпорации часто имеют сложную

¹ *United States v. Singh*, 518 F.3d 236, 249-50 (4th Cir. 2008); *United States v. Agosto-Vega*, 617 F.3d 541, 25 (1st Cir. 2010); *United States v. Potter*, 463 F.3d 9, 26 (1st Cir. 2006). Примеры даны по: Doyle C. *Corporate Criminal Liability: An Overview of Federal Law*. Congressional Research Service, 2013. P. 3.

² 821 F.2d 844, 856 (1st Cir. 1987). URL: <https://www.lexisnexis.com/community/casebrief/p/casebrief-united-states-v-bank-of-new-england-n-a> (дата обращения: 21.03.2021).

организационную структуру, которая предусматривает разделение обязанностей. В таком случае знания различных сотрудников должны составлять в совокупности знание самой корпорации, а неосведомлённость отдельных сотрудников о важности всей операции ввиду разветвлённой структуры не должна служить основанием для освобождения компании от ответственности. Тем не менее, такая позиция не является однозначной и часто не находит поддержки. Например, в деле *Saba v. Compagnie Nationale Air France* (1996) судьями было указано, что хотя коллективное знание компании и может быть сформировано из знаний отдельных сотрудников, но конкретное намерение (умысел) на совершение деяния должно принадлежать определённому лицу (исполнителю).

В деле *New York Central* также было определено, что существует ряд преступлений, которые по своему характеру не могут быть совершены юридическими лицами, однако конкретный их перечень не был установлен. В итоге корпоративная уголовная ответственность часто применяется даже в отношении тех преступлений, которые требуют наличия *mens rea*, как упомянутое выше нарушение валютной отчётности. Так, в разное время компании привлекались к ответственности за неуважение к суду, нарушения антимонопольного и избирательного законодательства, различные формы мошенничества, взяточничество, налоговые преступления, коррупцию, отмывание денежных средств, воспрепятствование отправлению правосудия¹.

Основными видами наказания для юридических лиц согласно федеральному закону являются штраф и probation. Также суд может наложить на компанию обязанность по уведомлению потерпевшего о приговоре, выплате ему компенсации причинённого вреда, а также конфисковать имущество, полученное преступным путём (18 U.S. Code § 3551).

Как и в Великобритании, порядок назначения наказания за преступления в США регулируется Рекомендациями (Sentencing Guidelines).

¹ Beale S.S. The Development and Evolution of the U.S. Law of Corporate Criminal Liability // German Conference on Comparative Law. Marburg, Germany. 2013. P. 9.

При назначении наказания учитываются характер и обстоятельства совершения преступления, форма вины, а также то, совершала ли компания преступления ранее. В то же время, добровольное признание вины, сотрудничество с правоохранительными органами и возмещение нанесённого ущерба считаются смягчающими обстоятельствами.

Общий размер штрафа не должен превышать более чем в два раза прибыль, полученную компанией или ущерб, нанесённый ею, либо быть выше 500 тыс. долларов (18 U.S. Code § 3571). Исключения из этих ограничений могут устанавливаться законом для отдельных преступлений. В частности, Рекомендации определяют специальный размер штрафа для кражи, взяточничества, нарушения интеллектуальных прав, уклонения от уплаты налогов, контрабанды, нарушений антимонопольного законодательства и ряда других преступлений – в этих случаях он может достигать 600 млн долларов.

В любом случае, при определении наказания суд сначала должен определить, способна ли компания оплатить штраф. Окончательный штраф назначается судом с учётом ряда обстоятельств, среди которых соответствие его закону, роль организации в совершённом преступлении; наличие нематериального ущерба; наличие судимости у должностного лица, непосредственно участвовавшего в совершении преступления; неполное выполнение условий, составляющих любое из смягчающих обстоятельств и др. Кроме того, суд обязан прибавить к штрафу сумму прибыли, которая не может быть возвращена в рамках возмещения вреда потерпевшему или иных мер исправления. В то же время суд, учитывая финансовое положение компании, должен уменьшить размер штрафа, если наложение столь крупного штрафа сделает невозможным уплату возмещения вреда потерпевшему либо самого штрафа.

Компании, признанные виновными в федеральном преступлении, должны быть подвергнуты probation (условному осуждению) в том случае, если суд решит не налагать на них штраф. Тем не менее, условное осуждение

может быть назначено и одновременно со штрафом, в том числе с целью контроля над его уплатой. Иными основаниями назначения испытательного срока являются контроль над уплатой возмещения вреда потерпевшему; отсутствие в компании необходимой комплаенс-системы, обеспечивающей предотвращение совершения правонарушений; совершение компанией (либо её сотрудником, участвовавшим в преступлении) аналогичного преступления в течение пяти лет до вынесения данного приговора; а также достижение иных целей обвинительного приговора, таких как обеспечение справедливого наказания и защита общества от новых правонарушений (18 U.S.C. § 3553).

Единственным обязательным требованием probation является условие о том, что организация не должна совершать в течение испытательного срока новых преступлений, как федеральных, так и местных.

В качестве дополнительными условий во время испытательного срока судом могут быть установлены: обязанность опубликовать в СМИ за свой счёт информацию о приговоре; разработка и представление суду программы комплаенса; предоставление периодических отчётов о финансах и хозяйственных операциях компании; проведение за счёт компании периодических аудиторских проверок сотрудниками службы probation или назначенным судом экспертом; выполнение общественных работ; выплата назначенных компенсаций и штрафов в установленном порядке.

Суд по своему усмотрению может наложить на компанию и иные обязанности, необходимость которых продиктована «характером и обстоятельствами совершения преступления либо историей правонарушений и характеристикой организации» (U.S.S.G. § 8D1.3).

В зависимости от характера правонарушения суд может потребовать от компании выплатить жертве компенсацию вреда (restitution). Также возмещение вреда может быть назначено в качестве одного из условий probation либо «сделки с правосудием».

Важной составляющей ответственности организации является внедрение системы комплаенса, содержащей комплекс стандартов и

процедур, направленных на выявление и предотвращение правонарушений. Она может предусматривать внутреннее обучение сотрудников, мониторинг, аудит и оценку деятельности компании, систему наказаний и поощрений для сотрудников, минимизирование участия в деятельности компании лиц, ранее замеченных в ненадлежащем поведении, комплекс мер реагирования на обнаруженные нарушения и др.

Модель уголовной ответственности юридических лиц, совершенно отличная от других, используется в Австралии. Изначально эта страна, как и другие государства общего права, использовала модель замещающей ответственности, в необходимых случаях дополняя её теорией идентификации, сформулированной в деле Tesco¹.

Тем не менее, идентификационный подход неоднократно подвергался критике в Австралии, как чрезмерно сужающий пределы ответственности. Комитетом генеральных прокуроров федерального правительства, правительства штатов и территорий² в 1993 году был представлен доклад, в котором содержался вывод о том, что подход Tesco больше не является приемлемым ввиду расширения полномочий младших сотрудников корпораций, что позволяет им принимать решения, за которые корпорация формально не несёт ответственности³. Комитетом было предложено разработать модель ответственности, которая соответствовала бы современным реалиям.

Итоговым результатом работ в этом направлении стало принятие Уголовного кодекса Австралии 1995 года (Criminal Code Act 1995), глава 2.5 которого посвящена ответственности юридических лиц.

Статья 12.1 устанавливает, что положения Кодекса применяются к юридическим лицам наравне с физическими, с теми лишь изъятиями,

¹ Голованова Н.А. Уголовная ответственность юридических лиц в международном и национальном праве (сравнительно-правовое исследование). С. 116.

² The Standing Committee of Attorneys-General from Federal, State and Territory Governments.

³ Standing Committee of Attorneys-General, Criminal Law Officers Committee. Model Criminal Code: Final Report Dec 1992. Chapter 2: General Principles of Criminal Responsibility. Canberra, 1993. P. 105.

которые обусловлены спецификой юридических лиц. Юридическое лицо может быть признано виновным в любом преступлении, в том числе и в том, наказанием за которое является лишение свободы.

Кодекс предусматривает несколько оснований, по которым юридическое лицо может быть привлечено к ответственности. В первую очередь, статья 12.2 перелагает ответственность на юридическое лицо в случае, если «физический элемент правонарушения был выполнен сотрудником или иным представителем компании при осуществлении его фактических либо предполагаемых полномочий», что выходит за рамки теории идентификации и является отражением традиционной доктрины замещающей ответственности.

Наиболее интересными представляются положения статьи 12.3, которая предлагает совершенно новое понимание вины юридического лица.

Она устанавливает, что намерение, знание или легкомыслие, явившиеся элементами состава правонарушения должны быть отнесены на счёт корпорации в случаях, когда «она прямо или косвенно одобрила его совершение, в том числе путём молчания». К подобному одобрению со стороны корпорации Кодекс относит соответствующие решения совета директоров или высшего должностного лица корпорации, а также существующую внутри организации корпоративную культуру, которая указывала, поощряла, допускала, либо приводила к несоблюдению соответствующего положения, в том числе, если организация не смогла создать и поддерживать корпоративную культуру, которая требовала бы соблюдения такого положения.

Как видно из приведённых норм, первые два варианта тождественны механизму, применяемому в рамках модели Tesco – действия высшего руководства приравниваются к действиям самой корпорации.

Однако два последних случая связывают вину корпорации с наличием или отсутствием определённой корпоративной культуры, под которой понимаются «отношения, политика, правила, курс поведения или практика,

существующие в корпорации в целом либо в той её части, в которой осуществляется соответствующая деятельность» (с. 12.3). При доказывании наличия такой неблагоприятной корпоративной культуры может быть учтено, были ли предоставлены полномочия на совершение этого или подобного преступления руководством корпорации, а также полагал ли сотрудник или иной представитель компании, совершая преступление, что подобные действия будут одобрены или разрешены высшим должностным лицом корпорации. Требуется, чтобы ожидания сотрудника по поводу благоприятной реакции руководства были «разумными».

При такой концепции «корпоративной культуры» взгляд законодателя фокусируется на виновности компании на организационном уровне, однако акцент в данном случае смещается с отдельных личностей на определение того, способствовали ли каким-либо образом методы ведения деятельности компанией совершению преступлений. На практике это означает, что не существует уровня в иерархии компании, совершение преступлений ниже которого не влекло бы ответственности. Наоборот, должно быть определено, могли ли в принципе совершаться преступления в компании с учётом её корпоративной культуры¹.

В Пояснительной записке к законопроекту о принятии Кодекса было сказано, что подобное регулирование направлено на выявление тех методов управления, которые традиционный подход Tesco просто не способен был обнаружить, например, когда сотрудники, испытывая давление руководства и опасаясь увольнения, вынуждены самостоятельно уменьшать сроки производства продукции, что влечёт нарушение законодательства об охране труда². Таким образом, Кодекс смотрит на то, что действительно происходит в компании, а не на то, что написано в её официальных документах.

¹ Wilkinson M. Corporate Criminal Liability – The Move Towards Recognizing Genuine Corporate Fault. URL: <http://www.nzlii.org/nz/journals/CanterLawRw/2003/5.html> (дата обращения: 29.03.2021).

² Criminal Code Bill 1994, Explanatory Memorandum. P. 44. Цит. по: Hill J. Corporate Criminal Liability in Australia: An Evolving Corporate Governance Technique? // Journal of Business Law. 2003. № 1. P. 13.

Сказанное выше относится к таким видам виновного поведения, как намерение, знание или легкомыслие. Относительно же небрежности Кодекс устанавливает отдельные правила.

Если преступление совершено в связи с небрежностью и при этом поведение ни одного из отдельных сотрудников нельзя квалифицировать как небрежное, то в небрежности может быть обвинена сама корпорация в целом, путём объединения поведения любого числа своих сотрудников или представителей (с. 12.4). В частности, небрежное поведение корпорации может иметь место, если правонарушение в значительной степени связано с ненадлежащим управлением или контролем за поведением своих сотрудников, либо с неспособностью компании организовать систему доведения необходимой информации до соответствующих должностных лиц.

Таким образом, в данном случае Кодекс также придаёт значение тому, соответствует ли компания в целом ожидаемым от неё стандартам, а не ищет конкретных лиц, виновных в преступлении.

Несмотря на частое упоминание «высших должностных лиц», в действительности Кодекс уделяет основное внимание общим отношениям, пронизывающим компанию, которая будет нести ответственность именно за них, а не за действия или намерения отдельных руководителей. Даже осознавая роль человека в деятельности корпорации и учитывая его поведение, главный упор Кодекс делает всё же на системе и правилах, которые были установлены и которым следовали сотрудники, и стремится возложить на компании ответственность за нарушения, которые они на самом деле вызвали, либо которым способствовали. При этом, Кодекс позволяет исследовать любые доказательства наличия криминогенной культуры в корпорации, что выгодно отличает его от идентификационной модели Tesco. Всё это заставляет многих авторов называть Уголовный кодекс Австралии лучшим примером регулирования корпоративной уголовной ответственности¹.

¹ Wilkinson M. Corporate Criminal Liability – The Move Towards Recognizing Genuine Corporate Fault. URL: <http://www.nzlii.org/nz/journals/CanterLawRw/2003/5.html> (дата обращения: 29.03.2021).

Подводя итог, можно сказать, что регулирование уголовной ответственности юридических лиц никогда не было и не будет простой задачей. Связано это в первую очередь со спецификой уголовного права, которое непросто приспособить к реалиям корпоративной действительности. Тем не менее, в современной жизни юридические лица играют заметную роль, поэтому публичная ответственность в каком-либо виде является необходимостью. Как модель замещающей ответственности, так и теория идентификации рассматривают юридическое лицо с точки зрения фикции, основываясь на необходимости наличия вины индивидуального физического лица. Замещающая ответственность критикуется за её неуместность в области уголовно-правового регулирования, теория идентификации страдает излишней ограниченностью, а при попытках выйти за рамки, как в случае с *Meridian* – вносит лишь неопределённость. Концепции «корпоративной вины» Австралии и, в некоторой мере, «коллективного знания» США пытаются избавиться от недостатков своих предшественников, однако тоже нередко подвергаются критике, что заставляет юристов искать новые пути привлечения организаций к ответственности.

2.2 Уголовная ответственность юридических лиц в странах континентального права

На настоящий момент большинство стран континентальной Европы предусматривают уголовную ответственность для юридических лиц. Одним из недавних случаев является признание такой ответственности в Словакии в 2016 году. В Чехии она была введена в 2012 году, в Испании и Люксембурге – в 2010, ещё раньше – в Португалии (2007), Польше (2002), Италии¹ (2001), Бельгии (1999) и Франции (1994). Применения исключительно

¹Формально ответственность юридических лиц в Италии называется «административной», однако многими авторами она однозначно характеризуется именно как уголовная.

административной ответственности в отношении юридических лиц до сих пор придерживаются Германия, Греция, Латвия, Швеция.

Субъектами уголовной ответственности являются как юридические лица (Австрия, Литва, Словения, Франция, Хорватия, Чехия, Эстония), так и иные неправосубъектные коллективные образования (Польша, Нидерланды). В некоторых случаях лицо, подлежащее ответственности определяется как «предприятие» (Швейцария, Норвегия)¹. При этом, во многих случаях из списка субъектов ответственности исключаются государство и иные территориальные образования, а также государственные и муниципальные органы власти.

При определении круга корпоративных преступлений законодатели придерживаются одного из двух подходов – в ряде правовых систем уголовная ответственность распространяется на все преступления (Бельгия, Кипр, Франция, Венгрия, Нидерланды, Люксембург, Словакия, Румыния), а в других же – лишь на закрытый перечень определённых преступлений – чаще всего это экономические преступления и преступления против основ правопорядка и нравственности (Дания, Испания, Польша, Италия, Португалия, Словения).

Сложившаяся практика законодательного закрепления ответственности юридических лиц демонстрирует различные варианты определения того, что преступление совершено именно юридическим лицом. Важным критерием разграничения моделей уголовной ответственности является установление физического лица, совершение преступления которым влечёт ответственность организации. Европейские законодательства предусматривают ответственность юридических лиц как за действия только высших должностных лиц и представителей (идентификационная или органическая модель), так и за действия всех сотрудников без исключения (*vicarious liability*). В некоторых случаях также предполагается смешанный

¹ Фёдоров А.В. Уголовная ответственность юридических лиц и цифровая экономика // Право и цифровая экономика. 2021. № 1 (11). С. 7.

вариант ответственности, который будет описан далее. Иными критериями являются совершение преступления от имени юридического лица, в его интересах, в его пользу или для его выгоды, за счёт его средств, в рамках деятельности юридического лица, с его согласия или одобрения, а также при непринятии юридическим лицом разумных мер, необходимых для предотвращения преступления.

В качестве мер наказания применяются обычно штраф, конфискация, различные ограничения прав и запрет на ведение деятельности, публикация приговора, а в редких случаях – ликвидация. При этом, законодательства некоторых стран содержат специальный перечень наказаний, которые могут применяться в отношении юридических лиц, иные же законодатели отдельно не выделяют такие санкции, поэтому при выборе конкретного наказания стоит исходить из того, возможно ли применение такого наказания в отношении юридического лица, учитывая его природу.

Столь широкому распространению уголовной ответственности юридических лиц в Европе во многом способствовали акты международных и европейских организаций. Среди прочих документов, наибольшее внимание в зарубежной литературе уделяется Второму Протоколу к Конвенции о защите финансовых интересов Европейского сообщества¹ 1997 года, статья 3 которого советует государствам предусмотреть нормы, предполагающие «эффективные и соразмерные» меры ответственности юридических лиц в случае совершения преступления в их пользу должностными лицами, осуществляющими контрольные или управленческие функции, либо иными лицами при недостатке контроля и надзора первых. Несмотря на то, что Протокол не вступал в силу до 2009 года, он оказал значительное влияние на развитие корпоративной ответственности,

¹С 6 июля 2019 года Конвенция была заменена Директивой ЕС о борьбе с мошенничеством посредством уголовного права во всех странах, кроме Дании и Великобритании.

поскольку многие страны взяли за основу модель ответственности, предложенную им¹.

В частности, подобная модель ответственности используется в Испании, которая стала одной из последних европейских стран, внедривших корпоративную уголовную ответственность в свою правовую систему. Органическим законом от 22 июня 2010 года² в Уголовный кодекс Испании (Código Penal) была введена статья 31 bis, устанавливающая ответственность юридических лиц. В преамбуле этого закона указывается, что введению уголовной ответственности способствовало появление новых проблем, вызванных изменениями социальной реальности, а также стремление исполнить международные обязательства, в частности, в сфере гармонизации европейского законодательства, и исправить выявленные недостатки действующего закона.

В современной редакции³ статья 31 bis устанавливает, что юридические лица несут уголовную ответственность в случаях, когда преступления совершены в их прямых или косвенных интересах либо за их счёт физическими лицами, которые действовали в качестве представителей юридического лица либо имели право действовать или принимать решения от имени юридического лица. Помимо этого, ответственность может быть наложена на юридические лица и за преступления, совершённые в их интересах иными лицами, которые при осуществлении своей деятельности находились под управлением указанных выше должностных лиц и представителей, при условии, что эти лица и представители серьёзно нарушили обязанности по контролю и надзору за своими подчинёнными.

¹ Использование такой модели продолжилось в многочисленных Рамочных решениях и Директивах Совета Европы. Engelhart M. *Corporate Criminal Liability from a Comparative Perspective // Regulating Corporate Criminal Liability / Edited by Brodowski D., Espinoza de los Monteros de la Parra M., Tiedemann K., Vogel J. Springer, 2014. P. 54.*

² Ley Orgánica 5/2010, de 22 de junio, por la que se modifica la Ley Orgánica 10/1995, de 23 de noviembre, del Código Penal.

³ Изменения внесены законом от 30 марта 2015 года – Ley Orgánica 1/2015, de 30 de marzo, por la que se modifica la Ley Orgánica 10/1995, de 23 de noviembre, del Código Penal.

Комментируя модель ответственности, установленную Кодексом, Генеральный прокурор Испании однозначно заявил, что она представляет собой концепцию замещающей ответственности за действия физических лиц, в первом случае – высокопоставленных, а во втором – лиц, которые ими недостаточно контролируются. Иные толкования «не соответствуют ни первоначальной формулировке статьи, ни её новой редакции»¹.

Тем не менее, судебная практика не столь однозначна в понимании модели ответственности. Решение Верховного суда по делу № 154/2016, принятое большинством в виде восьми судей из пятнадцати, определило ответственность юридических лиц как смешанную, сочетающую в себе замещающую ответственность с личной виной юридического лица. В качестве аргументации судьи указали, что, несмотря на то, что для наложения ответственности на организацию Органический закон однозначно устанавливает необходимость предварительной квалификации преступления, совершенного физическим лицом, ещё одним элементом состава является отсутствие комплаенс-программы, что должно быть поставлено в вину самому юридическому лицу. Однако остальные семь судей, оставшиеся в меньшинстве, в корне не согласились с таким мнением, заявив, что «хоть отсутствие комплаенс-программы и является основанием ответственности компании, считать его элементом состава преступления неверно». На той же позиции стоит и Генеральный прокурор, утверждая, что Испанское законодательство до сих пор не требует квалификации вины юридического лица, и будь комплаенс-программа в действительности признаком объективной стороны, её наличие устранило бы само правонарушение, а не освободило организацию от ответственности, как это происходит сейчас.

Кодекс ограничивает круг субъектов ответственности, устанавливая, что положения об уголовной ответственности не распространяются на «государство, территориальные образования, органы власти, а также

¹ Jofre S.W. Corporate Criminal Liability and Compliance Management Systems. A Case Study of Spain // *Transnational Crime*. 2018. № 2.3. P. 42.

государственные, международные и иные организации, которые осуществляют государственные или административные полномочия». Отдельно стоит указать, что нормы об уголовной ответственности применяются также и к организациям, находящимся в процессе создания или преобразования.

Статья 31 bis также оговаривает, что юридические лица могут быть привлечены к ответственности только в «установленных законом случаях». Данный перечень включает в себя нарушения антимонопольного и налогового законодательства, коррупцию, экологические преступления, нарушения интеллектуальных прав, преступления в области градостроительства, различные виды мошенничества, преступления, связанные с оборотом наркотиков, торговлю людьми и ряд других преступлений экономической и антисоциальной направленности.

Представляет интерес статья 131 УК Испании, в которой говорится, что преобразование, слияние, поглощение или разделение юридического лица не освобождает его от уголовной ответственности, которая в результате правопреемства перейдет на вновь образованные организации. При этом, суд может разделить меры ответственности между правопреемниками и правопреемниками пропорционально переданным правам и обязанностям. Не отменяет действия уголовной ответственности и фиктивная ликвидация юридического лица, в результате которой его фактическая деятельность не прекращается и в прежнем составе сохраняются его контрагенты и сотрудники, либо значительная их часть.

Среди наказаний, применяемых к юридическим лицам, УК Испании называет штраф, ликвидацию организации, приостановление деятельности компании либо закрытие её подразделений, лишение права на получение государственной поддержки и заключение государственных контрактов, запрет на осуществление деятельности, повлекшей или способствовавшей совершению преступления, а также судебный контроль за деятельностью компании в целях защиты прав работников и кредиторов.

В отношении государственных торговых компаний, которые реализуют государственную политику или предоставляют услуги, представляющие общественный интерес, могут применяться только наказания в виде штрафа или судебного вмешательства, кроме случаев, когда суд придёт к выводу, что компания была создана в данной организационно-правовой форме только для того, чтобы избежать возможного наказания (ст. 31 *quinquies*).

При определении размера штрафа суд должен обратить внимание на влияние, которое этот штраф окажет на компанию, её сотрудников и кредиторов, в частности, штраф не должен негативно сказываться на жизнедеятельности компании и наличии рабочих мест. Помимо твёрдой суммы, штраф может быть рассчитан пропорционально причинённому ущербу, стоимости объекта преступления или полученной компанией выгоде (ст. 52). Так, в 2019 году компания *Aguileña de Inversiones SA* была оштрафована на 250 тыс. евро за незаконную вырубку от 50 до 90 редких деревьев разных видов. Суд также обязал компанию предоставить городу деревья для посадки в количестве втрое большем, чем было вырублено¹.

Судебный контроль может быть назначен как в отношении всей компании, так и в отношении отдельного подразделения. Полномочия контролёра определяются судом, контролёр также должен иметь доступ ко всем помещениям и информации, которую он сочтёт необходимой для выполнения своих обязанностей.

В необходимых случаях, судебный контроль, приостановление деятельности компании либо закрытие подразделений может быть осуществлено в качестве обеспечительных мер до принятия судом решения по существу (ст. 33).

Компания может быть освобождена от ответственности, если она докажет, что ещё до совершения преступления ею была разработана и внедрена комплаенс-программа, способствующая соблюдению нормативных требований

¹ *Alcobendas multa con 250.000 € a una sociedad de Sergio Ramos por la tala de unos árboles.*
URL: <https://www.efe.com/efe/espana/portada/alcobendas-multa-con-250-000-a-una-sociedad-de-sergio-ramos-por-la-tala-unos-arboles/10010-4026217> (дата обращения: 21.04.2021).

и снижению рисков возникновения правонарушений. Даже в случае несоответствия имеющейся программы всем требованиям законодательства, само её наличие может являться основанием для смягчения наказания.

Иными смягчающими обстоятельствами считаются добровольное признание в совершении преступления ещё до начала его расследования, сотрудничество с правоохранительными органами в ходе расследования, принятие мер по устранению или уменьшению нанесённого ущерба, а также мер, направленных на предотвращение возможных преступлений в будущем (ст. 31 quater).

В свою очередь, приверженцем органической модели ответственности выступает Франция, которую можно назвать самым ярким представителем этого наиболее узкого, и оттого не самого распространённого подхода.

Французское уголовное законодательство одним из первых в Европе полностью признало корпоративную ответственность – это произошло в 1994 году, с принятием нового Уголовного кодекса (Code pénal). До этого юридические лица обычно привлекались к ответственности в гражданском и административном порядке. Но даже после появления уголовной ответственности компаний, к ней обращались не очень часто – в 2000 году было зафиксировано всего около 200 подобных случаев. Полноценный расцвет уголовной ответственности юридических лиц произошёл после принятия второго закона Пербена (Perben II) в 2004 году, который значительно модифицировал систему привлечения компаний к ответственности, что выразилось в увеличении дел с их участием до 5 тыс. в 2015 году. До введения этого акта компании во Франции могли привлекаться к ответственности только в случаях, прямо предусмотренных законом, теперь же юридическое лицо может быть обвинено в совершении практически любого преступления, а исключения могут предусматриваться отдельными законами. Кроме того, в случаях, когда закон подразумевает, что преступление в силу своего характера должно быть совершено физическим лицом, суд должен самостоятельно оценить возможность привлечения к

ответственности юридического лица (например, преступления против половой неприкосновенности).

Согласно статье 121-2 УК юридические лица, за исключением государства, несут ответственность за действия их органов или представителей, совершённые от имени юридического лица.

Как видно из этой нормы, уголовная ответственность базируется на теории реальности корпоративной личности (*théorie de la réalité*), воспринимая органы юридического лица как его неотделимую часть. Французский законодатель не предусмотрел механизм, позволяющий привлекать к ответственности напрямую юридическое лицо, минуя физических лиц-исполнителей, из чего следует, что обвинением предварительно должны быть установлены такие лица и квалифицировано совершённое ими преступление. Как отмечает Ф. Депорт, Уголовный кодекс «скорее определяет критерии, по которым правонарушение, совершённое физическим лицом, может быть отнесено к юридическому лицу». В связи с этим в литературе и практике такую ответственность часто называют косвенной или ответственностью «рикошетом» (*par ricochet*). Тем не менее, такая ответственность по-прежнему считается личной ответственностью самого юридического лица, поскольку органы и представители, являясь частью компании, выражают её волю¹.

Под органами понимаются только те органы юридического лица, которые наделены соответствующими полномочиями законами либо подзаконными актами (в т. ч. локальными). За действия «фактических» органов, полномочия которых не оформлены официально, юридические лица ответственности обычно не несут. Что касается представителей, то помимо должностных лиц, уполномоченных руководством на ведение дел организации, это могут быть иные лица, назначенные судом (управляющие или ликвидаторы), а также третьи лица, не состоящие с компанией в трудовых отношениях, но получившие от неё соответствующие полномочия.

¹ Deckert K. *Corporate Criminal Liability in France // Corporate Criminal Liability. Emergence, Convergence, and Risk.* / Edited by Pieth M., Ivory R. P. 150.

Статья 121-2 также устанавливает, что преступление должно быть совершено «от имени» юридического лица. В циркуляре от 14 мая 1993 г., комментирующем положения новой редакции Уголовного кодекса, министр юстиции пояснил, что юридическое лицо не будет нести ответственности за действия директора, совершённые от его собственного имени и в его интересах, даже если они совершены за счёт компании. Судебной практикой это было истолковано как то, что обвинением должна быть «продемонстрирована связь действий органа или представителя с деятельностью организации»¹. Таким образом, для привлечения юридического лица к ответственности, его органы или представители должны действовать от имени и в интересах организации (либо большей части её участников). Интерес при этом не обязательно должен быть финансовым, кроме того, получение организацией финансовой выгоды в результате совершения преступления не влечёт автоматически её ответственности.

Субъектами ответственности в настоящее время являются все юридические лица (как частные, так и публичные), кроме государства и в ряде случаев местных муниципальных образований. Иммунитет государства объясняется его суверенитетом, а также невозможностью государства наказать само себя². Кроме того, муниципальные образования не могут быть подвержены некоторым видам наказаний, например – принудительной ликвидации. То же самое касается и ряда иных организаций, таких как политические партии, торговые ассоциации и профессиональные союзы работников. Закон не выделяет в отдельную категорию иностранные компании, в связи с чем следует сделать вывод, что они подлежат ответственности на общих основаниях. Стоит отметить, что неправосубъектные образования (например, партнёрства) не являются юридическими лицами и уголовной ответственности не подлежат.

¹ Deckert K. Corporate Criminal Liability in France. P. 154.

² Там же. P. 163.

Уголовный кодекс Франции подразделяет все противоправные деяния на преступления, проступки и правонарушения, предполагая различные наказания за каждое из них.

Общими видами наказания являются штраф, конфискация имущества, добытого преступным путём либо используемого в ходе преступной деятельности, а также запрет на выпуск чеков и использование кредитных карт.

Самым распространённым видом наказания для юридических лиц является штраф. В необходимых случаях вместо штрафа или совместно с ним может быть назначено возмещение нанесённого ущерба.

За преступления и проступки также могут быть назначены ликвидация организации, запрет на ведение определённой деятельности, закрытие филиалов и подразделений организации, непосредственно вовлечённых в преступную деятельность, запрет на эмиссию ценных бумаг, помещение под судебный надзор, лишение права на заключение государственных контрактов и получение субсидий, публикация приговора.

Французская модель ответственности, которую в зависимости от теоретических взглядов можно охарактеризовать как идентификационную либо органическую (личной ответственности), ввиду своей ограниченности является довольно непопулярной, поскольку столь избирательный выбор субъектов, действия которых влекут ответственность юридического лица, во многих случаях приводит к уклонению крупных компаний от ответственности. В связи с этим, многие государства стремятся расширить возможности преследования юридических лиц, избирая смешанные модели, либо полностью полагаясь на замещающую ответственность.

Например, судебная практика Нидерландов позволяет накладывать ответственность на компанию за действия любого сотрудника, из чего следует вывод, что правом этой страны сделан выбор в пользу замещающей ответственности, которая является наиболее широкой моделью из всех.

Как уже упоминалось ранее, с 1976 года уголовная ответственность юридических лиц в Нидерландах распространяется на все преступления, а не

только экономические. Статья 51 Уголовного кодекса (Wetboek van Strafrecht) в качестве общего правила устанавливает, что преступления могут совершаться физическими и юридическими лицами. Если же преступление совершено юридическим лицом, то уголовно-правовые санкции могут быть применены либо напрямую к юридическому лицу, либо к иным лицам, которые дали указание на совершение преступления или непосредственно «контролировали» осуществление преступных действий. Третьим вариантом является уголовное преследование всех указанных лиц.

Субъектами уголовной ответственности являются как нидерландские, так и иностранные юридические лица. При этом, в уголовно-правовых целях под юридическим лицом понимаются не только лица, которые Гражданский кодекс Нидерландов наделяет правосубъектностью (ассоциации, кооперативы, фонды, компании с ограниченной ответственностью), но и неправосубъектные образования, такие как товарищества, а также объединения капитала, созданные для достижения определённой цели. Кроме того, к ответственности могут привлекаться и публично-правовые образования Нидерландов¹.

Общий подход Нидерландов к установлению корпоративной уголовной ответственности нельзя назвать достаточно определённым. Сам Кодекс не выделяет каких-либо критериев, позволяющих определить, что преступление совершено юридическим лицом.

Попытка внести ясность в этот вопрос была предпринята Верховным Судом Нидерландов (Hoge Raad der Nederlanden) в 2003 году в деле компании Drijfmest. Суд постановил, что юридическое лицо может быть привлечено к ответственности в случае, если противоправное деяние было совершено в рамках деятельности компании, и при этом привлечение этой компании к ответственности будет отвечать требованиям «разумности». Деяние должно считаться совершённым в рамках деятельности компании, если: (а) имело место действие или бездействие работника компании независимо от того,

¹ Keulen B.F., Gritter E. Corporate Criminal Liability in the Netherlands. P. 3.

заключён ли с ним трудовой договор; (б) совершённое деяние находилось в пределах обычной хозяйственной деятельности компании; (в) компания извлекла прибыль из незаконного поступка; (г) преступное поведение находилось под контролем компании, и было ею одобрено, в том числе, если ей не были приняты меры, достаточные для того, чтобы избежать нарушения¹.

Почти все перечисленные критерии, так или иначе, стали обобщением ранее существовавшей судебной и законодательной практики. Однако допущение Судом критерия в виде непринятия необходимых для предотвращения преступления мер стало значимым нововведением, поскольку ранее считалось, что «одобрение» всегда представляет собой некоторую форму прямого намерения (умысла). Теперь же необходимость доказывания намерения отпала, что значительно расширило критерии привлечения юридических лиц к ответственности.

Стоит учитывать, что упомянутый критерий «разумности» делает доктрину корпоративной уголовной ответственности довольно гибкой и негативно сказывается на правовой определённости, однако он даёт судам возможность свободно оценивать различные обстоятельства, не ограничиваясь строгими рамками, что положительно оценивается в литературе².

Важным замечанием также является то, что рассмотренное дело касалось преступления небольшой тяжести (*overtredingen*), обвинение в котором само по себе не требует доказывания наличия признаков субъективной стороны (*mens rea*). Это означает, что решение Верховного Суда не имеет прямого отношения к правилам об установлении вины юридического лица в более тяжких преступлениях (*misdrifven*), а потому они должны быть определены иным образом.

Уголовный кодекс не предлагает конкретных формулировок вины юридического лица, судебная практика и доктрина же склоняются к двум

¹ HR 21 Oktober 2003, NJ 2006, 328. URL: <https://uitspraken.rechtspraak.nl/inziendocument?id=ECLI:NL:HR:2003:AF7938> (дата обращения: 21.03.2021).

² Keulen B.F., Gritter E. *Corporate Criminal Liability in the Netherlands*. P. 6.

возможным вариантам. Первый из них сводится к простому перенесению вины сотрудника на юридическое лицо. Это означает, что для обвинения компании в совершении преступления необходимо, чтобы в нём мог быть обвинён хотя бы один сотрудник. В случае, когда все сотрудники по каким-либо причинам освобождаются от ответственности, остаётся прибегнуть лишь ко второму способу, который заключается в «извлечении» элемента вины из совокупной внутренней политики организации и принятых корпоративных решений. В частности, представители компании могут заявить, что внутреннему персоналу было известно о происходящих нарушениях, однако руководство приняло решение не устранять их, что может выражаться в сознательном насаждении противоправной политики.

Уголовный кодекс Нидерландов не содержит определённого перечня наказаний, которые могут применяться в отношении юридических лиц, поэтому при его определении стоит ориентироваться на то, возможно ли применить конкретные меры, учитывая их характер.

Наиболее популярным видом основного наказания в отношении юридических лиц является штраф, размер которого зависит от категории преступления – за преступление первой категории он составляет 435 евро, а за преступление последней, шестой категории – 870 тыс. евро. При назначении штрафа учитывается возможность осуждённого лица оплатить его, в частности, штраф должен быть назначен в размере, не наносящем несоразмерного ущерба доходам и активам осуждённого (ст. 24).

В качестве дополнительных наказаний к юридическим лицам могут применяться конфискация имущества, полученного преступным путём либо использованного в ходе преступной деятельности, а также публикация приговора.

Помимо наказаний, УК Нидерландов предусматривает иные меры уголовно-правового характера, среди которых в отношении юридических лиц могут быть применено изъятие имущества из оборота – институт, схожий по характеру с конфискацией, однако для применения которого обязательным

требованием является наличие у компании имущества, «неконтролируемое владение которым противоречит закону или общественным интересам». Кроме того, в отличие от конфискации, которая применяется только в отношении юридического лица, признанного виновным, изъятие из оборота может быть применено также при прекращении уголовного преследования, и в некоторых случаях при оправдании (ст. 36).

Ещё одной мерой уголовно-правового характера является компенсация в пользу государства, взыскиваемая в размере дохода, полученного преступным путём. Кроме того, в необходимых случаях может быть назначена компенсация в размере вреда, причинённого потерпевшему, также выплачиваемая в пользу государства, которое затем передаёт средства самому потерпевшему.

Помимо Уголовного кодекса, некоторые законы Нидерландов также предусматривают меры ответственности. Так, уже упомянутый ранее Закон об экономических преступлениях (*Wet op de Economische Delicten*) в качестве дополнительной меры предусматривает временное прекращение деятельности организации сроком до 1 года (ст. 7). В неотложных случаях, когда того требуют общественные интересы, суд может немедленно постановить о применении временной приостановки деятельности в качестве обеспечительной меры. Ещё одной мерой ответственности является лишение компании предоставленных ей государством привилегий, например субсидий или выданных лицензий, на срок до двух лет. Кроме того, судом может быть наложена на организацию обязанность совершить действия, за уклонение от которых она привлечена к ответственности, либо наоборот, исправить то, что было совершено вопреки закону.

Главным обстоятельством, позволяющим юридическому лицу освободиться от ответственности, является доказательство того, что она приняла все необходимые меры для того, чтобы избежать совершения преступления. Это обстоятельство было сформировано судебной практикой и позже поддержано Верховным Судом в упомянутом деле 2003 года. Однако,

рассматривая очередное дело в 2017 году, Верховный суд постановил, что проявление должной осмотрительности и принятие разумных мер не являются основанием для освобождения от ответственности в случае, когда преступление могло быть легко предотвращено¹. В этом деле авиакомпания была признана виновной в нарушении Закона об иностранцах, поскольку разрешила гражданину Ирана беспрепятственно въехать на территорию Нидерландов из США без необходимого документа (визы). Доводы компании о том, что ею было организовано обучение персонала в целях избегания подобных нарушений, были отвергнуты Судом, поскольку преступление могло быть легко предотвращено простой проверкой документов. Таким образом, возможность освобождения юридического лица от ответственности при помощи проявленной ею должной осмотрительности не является абсолютной и может зависеть от конкретных обстоятельств дела.

Отдельно стоит упомянуть ситуации, связанные с прекращением существования юридического лица. В 1994 году Верховный Суд Нидерландов постановил, что общее основание прекращения уголовного преследования и освобождения от ответственности, предусмотренное на случай смерти физического лица, не применяется в отношении юридических лиц, а значит, даже в случае ликвидации юридическое лицо может быть привлечено к ответственности, если оно не объявило о своей ликвидации до начала уголовного преследования².

Подводя итог изучению корпоративной уголовной ответственности в европейских странах, можно сказать, что модели ответственности, используемые в Нидерландах и Франции, являются далеко не самыми популярными ввиду их особенностей. Анализ европейских правовых порядков показывает, что самой востребованной оказалась смешанная модель,

¹ HR 15 Februari 2017, NJ 2017, 300. URL: <https://uitspraken.rechtspraak.nl/inziendocument?id=ECLI:NL:HR:2017:40> (дата обращения: 23.03.2021).

² Фёдоров А.В. Уголовная ответственность юридического лица после прекращения его деятельности // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2019. № 3. С. 18.

устанавливающая ответственность компаний, как за действия высшего руководства, так и за действия младших сотрудников. Помимо указанных стран похожая модель с незначительными изменениями была воспринята правовыми системами Португалии, Финляндии, Литвы, Венгрии, Польши, Словакии, Люксембурга, Чехии, Словении, Болгарии, Германии (в форме административной ответственности) и многих других стран. Учитывая популярность такого подхода, а также то, что он берёт свои корни в актах европейского законодательства, некоторые авторы характеризуют его как единую «законодательную модель Европейского Союза»¹.

2.3 Современные концептуальные основы уголовной ответственности юридических лиц в России

Логичным итогом изучения регулирования корпоративной уголовной ответственности в зарубежных странах является рассмотрение целесообразности появления этого института в российском уголовном праве. Проблема введения уголовной ответственности юридических лиц в России обсуждается широко. Первоначальные проекты Уголовного кодекса РФ предусматривали подобный институт, однако в окончательной редакции законодатель отказался от него, ввиду чего в настоящее время УК РФ не предусматривает какой-либо ответственности для юридических лиц, которая устанавливается лишь в административном порядке (ст. 2¹ КоАП РФ).

Однако в научной среде продолжают поиски оптимального варианта привлечения коллективных субъектов к ответственности.

Основными аргументами противников введения корпоративной уголовной ответственности являются, во-первых, противоречие такой ответственности основному принципу российского уголовного права о личной виновной ответственности, а во-вторых, возможность

¹ Valenzano A.S. «Triggering Persons» in «Ex Crimine» Liability of Legal Entities // Regulating Corporate Criminal Liability / Edited by Brodowski D., Espinoza de los Monteros de la Parra M., Tiedemann K., Vogel J. Springer, 2014. P. 97.

противодействия противоправной деятельности юридических лиц с помощью мер гражданской и административной ответственности, избегая уголовной. В частности, А.В. Шеслер, соглашаясь с подобными доводами, также добавляет, что введение уголовной ответственности в отношении юридических лиц позволит их руководителям избежать ответственности, переложив её на юридическое лицо, что будет являться не более чем объективным вменением, поскольку само юридическое лицо никакого преступления не совершало¹.

Критикуя идею корпоративной уголовной ответственности, В.В. Порайко указывает, что её введение «подорвет межотраслевые связи», создаст трудности для дифференциации ответственности юридических лиц, а также поставит под сомнение необходимость существования административной права в целом².

Противником корпоративной уголовной ответственности выступает и Ю.И. Сучков, который подкрепляет свою позицию тем, что у юридического лица отсутствуют свойства лица физического (сознание и воли), ввиду чего оно не способно дать осознанную оценку деянию, совершённое от его имени физическими лицами³. В свою очередь, существующие нормы о корпоративной уголовной ответственности в зарубежных странах он считает громоздкими, отмечая трудоёмкость и сложность их исполнения, а также узость применения и слабую эффективность. По его мнению, ответственность за преступления должна нести только непосредственно совершившая их группа физических лиц, а не весь персонал юридического лица, вероятно, даже не знавший о совершённом преступлении.

¹ Шеслер А.В. Проблемы установления уголовной ответственности юридических лиц в российском уголовном законодательстве // Всероссийский криминологический журнал. 2017. № 2. С. 365.

² Порайко В.В. Перспективы уголовной ответственности юридических лиц за преступления в сфере предпринимательской деятельности в контексте принципов российского уголовного права // Вестник Югорского Государственного Университета. 2019. № 4 (55). С. 49–50.

³ Сучков Ю.И. К вопросу о введении в российское законодательство уголовной ответственности юридического лица // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского Университета МВД России. 2015. № 4 (42). С. 68.

Наряду с полным отрицанием возможности уголовной ответственности юридических лиц, выдвигаются и компромиссные варианты, предлагающие применять в отношении юридических лиц не уголовные наказания, а иные меры уголовно-правового характера.

При обсуждении такой концепции важную роль играет проблема соотношения понятий «субъект ответственности» и «субъект преступления».

Так, А.И. Коробеев указывает, что «установление уголовной ответственности юридических лиц на практике возможно только при разделении понятий «субъект преступления» и «субъект ответственности»¹.

В свою очередь, Б.В. Волженкин, рассматривая этот вопрос, однозначно говорил об очевидном различии данных терминов, указывая, что субъектом ответственности может быть любое лицо, в то время как субъектом преступления – только лицо физическое, обладающее сознанием и волей².

Поддерживая дифференциацию рассматриваемых понятий, В.Н. Сизова считает, что субъект ответственности это лицо, которому уголовный закон только воспрещает совершение определённых действий под страхом наказания, а субъект преступления – лицо, уже совершившее запрещённое деяние. Различия в указанных терминах по её мнению имеют большое значение в правотворческой и правоприменительной практике³.

По схожему пути пошли и авторы законопроекта «О внесении изменений в некоторые законодательные акты российской Федерации в связи с введением института уголовно-правового воздействия в отношении юридических лиц», который был предложен Следственным комитетом в 2011 г. и стал первой инициативой по изменению законодательства в этом направлении. Указанный проект отрицал признание юридического лица субъектом преступления и ограничивался введением в УК РФ главы 15²

¹ Фёдоров А.В. Об уголовной ответственности юридических лиц в Российской Федерации: объективная обусловленность и перспективы введения // Юридическая наука: история и современность. 2016. № 3. С. 127.

² Волженкин Б.В. Уголовная ответственность юридических лиц. С. 25–26.

³ Сизова В.Н. Актуальные вопросы уголовной ответственности юридических лиц // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2020. № 2 (93). С. 117.

«Меры уголовно-правового характера в отношении юридических лиц», которая предусматривала применение мер в виде предупреждения, штрафа, лишения лицензии, квоты, преференций или льгот, лишения права заниматься определенным видом деятельности, запрета на осуществление деятельности на территории Российской Федерации и принудительной ликвидации при установлении «причастности» юридического лица к совершению преступления. Под причастностью предлагалось понимать совершение преступления в интересах организации физическим лицом, выполняющим в ней функции контроля и управления, а также «иное использование компании этим лицом в целях совершения, сокрытия, финансирования преступления». Данный проект в итоге не получил широкого общественного одобрения, поскольку критиковался не только противниками корпоративной уголовной ответственности, но и её сторонниками, которые указывали на излишне «компромиссный» его характер¹.

Очевидно также разделяя указанные понятия, Р.В. Минин считает, что в необходимой для России модели корпоративной ответственности юридическое лицо должно быть признано именно субъектом преступления².

С ним соглашается А.В. Фёдоров, который по этому поводу пишет, что признание юридического лица субъектом преступления, а не субъектом ответственности, всё же более соответствует российским уголовно-правовым традициям³.

Будучи одним из главных и последовательных сторонников введения уголовной ответственности юридических лиц и ссылаясь на опыт более чем 70 стран мира, А. В. Фёдоров считает постановку вопроса о корпоративной преступности необходимой, поскольку такая преступность уже является

¹ Фёдоров А.В. Об уголовной ответственности юридических лиц в Российской Федерации: объективная обусловленность и перспективы введения. С. 128.

² Минин Р.В. Проблема формирования концепции уголовной ответственности юридических лиц в России. С. 67.

³ Фёдоров А.В. Об уголовной ответственности юридических лиц в Российской Федерации: объективная обусловленность и перспективы введения. С. 128.

социальной реальностью¹. Согласно его мнению, возможность привлечения юридических лиц не только к гражданской и административной, но также и к уголовной ответственности является «общим принципом юридической ответственности», отражающим её универсальность, а отсутствие института корпоративной уголовной ответственности в России является пробелом в позитивном праве². Отсутствие в России института корпоративной уголовной ответственности в настоящее время автор связывает, во-первых, с традиционным отождествлением преступности в нашей стране с деяниями физических лиц, и, во-вторых, со слабым изучением этого вопроса во времена СССР, когда идея ответственности юридических лиц отторгалась по идеологическим мотивам³.

Среди предпосылок введения уголовной ответственности юридических лиц А.В. Фёдоров выделяет внешние (международно-правовые) и внутренние (социально-экономические). Внешними предпосылками является соблюдение международных договоров, участниками которых является Россия, и которые предусматривают корпоративную ответственность (Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию; об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности и о финансировании терроризма; о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении и др.). Среди внутренних предпосылок отмечается необходимость регулирования рыночных отношений при происходящих в данное время в России социально-экономических преобразованиях. Автор считает уголовную ответственность юридических лиц непременным атрибутом рыночной экономики, поскольку построенная на конкуренции, она не может существовать в условиях, когда

¹ Фёдоров А.В. Уголовная ответственность юридических лиц и криминализация их деяний в контексте современной уголовной политики // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2018. № 2. С. 14.

² Фёдоров А.В. Уголовная ответственность юридических лиц как атрибут рыночной экономики // Правовое поле современной экономики. 2015. № 7. С. 13–14.

³ Фёдоров А.В. Уголовная ответственность юридических лиц и цифровая экономика // Право и цифровая экономика. 2021. № 1 (11). С. 11.

недобросовестные предприниматели используют различные преступные схемы для удовлетворения своих интересов¹.

Главной же причиной необходимости введения уголовной ответственности юридических лиц автор называет постоянное увеличение количества и масштабов противоправных деяний, совершаемых от имени, либо в интересах и за счёт юридических лиц².

Рассматривая вопрос о соотношении уголовной и административной ответственности, А.В. Фёдоров отмечает, что на практике правонарушения юридических лиц обычно выявляются при расследовании преступлений физических лиц, действовавших от их имени, в связи с чем намного эффективнее будет проводить расследование, руководствуясь нормами одной отрасли права, поскольку в таком случае можно будет избежать собирания доказательств в рамках двух независимых дел и рассмотрения этих дел разными судебными инстанциями, что благоприятно скажется на квалификации содеянного юридическим лицом и его вины. С этим соглашаются и другие учёные, также добавляя, что в связи с упрощённой процедурой административного производства (в частности, при отсутствии оперативно-розыскных мероприятий) не всегда удаётся выяснить все обстоятельства дела³.

На аргумент же о том, что уголовная ответственность может быть успешно заменена гражданской, А. В. Фёдоров отвечает тем, что по своему характеру гражданская ответственность преследует в первую очередь компенсаторную цель, тогда как уголовное право выполняет охранительную функцию, а потому замещение их друг другом невозможно. Развивая мысль о невозможности замещения уголовной ответственности иными видами ответственности, он также обращает внимание на значительный размер

¹ Фёдоров А.В. Уголовная ответственность юридических лиц как атрибут рыночной экономики. С. 15.

² Фёдоров А.В. Уголовная ответственность юридических лиц и цифровая экономика. С. 11.

³ Кужиков В.Н. К вопросу о привлечении к уголовной ответственности юридических лиц за легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенного преступным путем // Вестник экономической безопасности. 2020. №3. С. 141.

санкций, предусмотренных многими статьями Кодекса об административных правонарушениях РФ, и называет это не иначе как «сокрытием преступлений под видом административных правонарушений» и «завуалированным введением уголовной ответственности»¹.

Тем не менее, А.В. Фёдоров отмечает, что уголовная ответственность не должна быть средством «на все случаи жизни». Поскольку исторически в России хорошо зарекомендовало себя на практике разделение ответственности на гражданскую, административную и уголовную, целесообразно сохранять такую дифференциацию и далее, что позволило бы предусмотреть в отношении юридических лиц уголовную ответственность за наиболее тяжкие деяния².

С однозначным одобрением введения уголовной ответственности юридических лиц высказывается Ю.И. Бытко. Прежде всего, автор также обращает особое внимание на то, что установление уголовной ответственности в отношении субъектов предпринимательской деятельности способствует повышению темпов роста экономики, что отмечается во многих странах с высоким уровнем экономического развития. Автор также указывает на нелогичность того, что за одно и то же деяние физическое лицо подлежит уголовной ответственности, а юридическое – лишь административной³.

Как и другие авторы, Ю.И. Бытко вспоминает о связи уголовного и административного законодательства. Учитывая общую их систематизацию, согласно которой в сферу административного права входят наименее опасные деяния, автор подчёркивает, что отнесение деяний юридических лиц, представляющих большую общественную опасность и наносящих

¹ Фёдоров А.В. Уголовная ответственность юридических лиц как атрибут рыночной экономики. С. 13.

² Там же. С. 14.

³ Бытко Ю.И. Почему в России до сих пор не принят закон об уголовной ответственности юридических лиц? // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. № 44. С. 355.

огромный вред, к разряду административных правонарушений, «не согласуется с основами построения правовой системы государства»¹.

В попытке обосновать свою позицию о целесообразности корпоративной уголовной ответственности, автор акцентирует внимание на том, что во многих случаях по административным делам юридическим лицам назначается наказание по строгости не меньшее, а иногда и превосходящее меры уголовно-правового характера, что само по себе стирает грань между административной и уголовной ответственностью. Кроме того, применения гражданско-правовых и административно-правовых мер часто оказывается недостаточно, а отказ от криминализации деяний юридических лиц в глазах общества может ассоциироваться с их легализацией².

Для решения проблемы корпоративной уголовной ответственности без нарушения положений о личной и виновной ответственности Ю.И. Бытко предлагает использовать традиционную формулу ответственности физических лиц, адаптировав её под нужды коллективных субъектов с учётом особенностей их вины и совершаемых ими деяний.

В частности, с точки зрения содержания, поведение юридического лица, признаваемое преступным, должно обладать большей по сравнению с деяниями физических лиц общественной опасностью и достигать масштабов «социального зла». По мнению самого автора, вина юридического лица должна заключаться в том, что оно позволило должностному лицу, имеющему доступ к производственным мощностям, использовать эти мощности для причинения вреда. Таким образом, виной юридического лица является не психическое отношение к преступным действиям, а сами эти действия³. В подтверждение логичности такой позиции автор ссылается как на законодательство Китая, содержащее подобную трактовку вины

¹ Бытко Ю.И. Нужен ли России такой закон (к вопросу о проекте закона об уголовной ответственности юридических лиц) // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 2 (103). С. 184.

² Бытко Ю.И. Почему в России до сих пор не принят закон об уголовной ответственности юридических лиц? С. 361.

³ Там же. С. 367.

юридического лица, так и на КоАП РФ, статья 2¹ которого под виной юридического лица понимает непринятие мер (бездействие), необходимых для соблюдения установленных правил и норм.

Ориентируясь на европейские модели ответственности, Ю.И. Бытко полагает возможным привлечение юридического лица к ответственности в случае совершения преступления в его интересах одним из лиц, занимающим высшее положение и выполняющим функции по контролю и управлению, а также иным лицом, при условии, что возможность совершения преступления возникла в связи с недостаточным контролем указанных лиц¹.

Несмотря на то, что Ю.И. Бытко считает, что многие нормы УК РФ применимы в отношении юридических лиц в нынешнем виде, а изменение других возможно без нарушения концептуальных основ российского уголовного права, наиболее предпочтительным вариантом станет введение специального закона об уголовной ответственности юридических лиц, поскольку это позволит учесть интересы как поклонников, так и противников данного института. Однако, подводя итог своим размышлениям, и оценивая перспективы корпоративной уголовной ответственности, Ю.И. Бытко резюмирует, что ввиду закрепления в современной России государственно-монополистического капитализма, негативно относящегося к подобной идее, ожидать введения этого института в ближайшее время не приходится².

В контексте ранее упомянутых заявлений о невозможности сочетания ответственности юридических лиц с принципом вины, в одной из своих работ Р.В. Минин указывает, что при решении этой проблемы категорически неверно было бы игнорировать опыт регулирования административной ответственности юридических лиц, который показывает, что юридическое лицо может быть субъектом ответственности, предполагающей наличие вины. Благодаря тесной связи уголовного и административного права, этот опыт может быть использован при определении наиболее эффективного

¹ Бытко Ю.И. Нужен ли России такой закон (к вопросу о проекте закона об уголовной ответственности юридических лиц). С. 186.

² Там же. С. 191.

механизма корпоративной уголовной ответственности, который позволил бы соблюсти баланс публичных и частных интересов¹.

В свою очередь, А.В. Наумов, который одним из первых высказался о необходимости уголовной ответственности юридических лиц, пишет, что такая ответственность может не только совместно существовать с принципом личной виновной ответственности, но и дополнять этот принцип². Оценивая же доводы противников уголовной ответственности о том, что вместо её введения стоит просто увеличить размер административных штрафов, автор указывает, что при установлении размера наказания неизбежно приходится сталкиваться с мыслью об отраслевом «уровне» денежных штрафов, в связи с чем наказания размером в десятки миллионов будут смотреться в рамках административного права слишком неуместно³.

Столь оживлённое научное обсуждение рассматриваемого вопроса не могло не вызвать реакцию законодателя, и в 2015 году А.А. Ремезковым на рассмотрение в парламент был внесён законопроект № 750443-6 о введении института уголовной ответственности юридических лиц⁴ (далее – Проект). В пояснительной записке к законопроекту его разработчики в качестве основных преимуществ введения корпоративной уголовной ответственности указывают создание эффективного механизма противодействия преступности юридических лиц, который позволит исключить переложение ответственности на отдельных физических лиц, что в итоге положительно повлияет на принцип справедливости уголовного наказания, а также лишней раз подтолкнёт организации к соблюдению закона.

¹ Минин Р.В. Проблема формирования концепции уголовной ответственности юридических лиц в России. С. 66.

² Наумов А.В. Уголовная ответственность юридических лиц (доктринальные и правотворческие аспекты) // Күкык және мемлекет. 2017. № 1–2 (74–75). С. 109.

³ Там же. С. 111.

⁴ Проект Федерального закона «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с введением института уголовной ответственности юридических лиц» № 750443-6 (ред., внесённая в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 23.03.2015). URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 23.03.2021).

Субъектами ответственности авторы предлагали считать российские, иностранные и международные организации, за исключением государственных и муниципальных органов власти, а также учреждений и предприятий.

Одобрив перечень субъектов, освобождённых от уголовной ответственности, который содержится в Проекте, Ю.И. Бытко всё же предлагает дополнить его государственными предприятиями, поскольку они, хоть и не входят в структуру государства, но создаются и действуют под его контролем. Кроме того, учитывая рост числа государственных монополий, неразумно было бы привлекать к ответственности организации, определяющие темпы экономического развития страны¹.

Не до конца прояснён статус самого государства, его субъектов и муниципальных образований. По всей видимости, указывая на невозможность привлечения к ответственности публичных органов власти, разработчики имели в виду также невозможность привлечения и публично-правовых образований, поскольку обычно от их имени деятельность ведут именно органы. Однако, в п. 4 ст. 125 Гражданского кодекса РФ указывается, что в предусмотренных нормативными правовыми актами случаях, от имени публично-правовых образований в обороте могут выступать также граждане и юридические лица. Из этого следует сделать вывод, что и преступления от имени публично-правовых образований в ряде случаев могут быть совершены гражданами и юридическими лицами при осуществлении ими своей деятельности. В связи с этим остаётся неясным, как следует поступить правоприменителю в такой ситуации, поэтому указанная норма требует уточнения. Например, как указывалось ранее, в странах Европы государство и иные территориальные образования обычно исключаются из-под действия уголовного закона либо полностью, либо в связи с осуществлением своих публичных функций.

¹ Бытко Ю.И. Почему в России до сих пор не принят закон об уголовной ответственности юридических лиц? С. 369.

При определении деяний юридических лиц, подлежащих криминализации, авторы Проекта переняли «либеральный» опыт зарубежных государств, устанавливающих специальный перечень преступлений, за которые юридические лица могут нести ответственность. В частности, среди таких преступлений – торговля людьми, коммерческий подкуп, легализация денежных средств или иного имущества, террористические преступления, преступления в сфере компьютерной информации, ряд преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства, а также против мира и безопасности человечества.

А.В. Фёдоров в целом положительно оценивает предложенный Следственным комитетом перечень корпоративных преступлений, однако у него вызывает недоумение (довольно обоснованное) отсутствие в нём деяний, связанных с оборотом наркотиков, а также контрабанды¹.

Рассматривая вопрос о нормативном установлении признака противоправности деяний, Ю.И. Бытко также положительно отзывается о перечне преступлений, предложенном в Проекте, отмечая при этом, что его недостатком является лишь отсутствие преступлений в сфере экологии². Такое замечание выглядит справедливым, поскольку экологические преступления причиняют значительный вред, а в международных актах и зарубежном законодательстве введение уголовной ответственности юридических лиц во многом обосновывается необходимостью борьбы именно с экологической преступностью. В целом же, автор поддерживает точку зрения, согласно которой уголовная ответственность должна являться исключительной мерой и устанавливаться только за самые опасные деяния.

Пытаясь самостоятельно обозначить перечень возможных корпоративных преступлений, Р.В. Минин выделяет ряд признаков подобных

¹ Фёдоров А.В. Уголовная ответственность юридических лиц в Российской Федерации: от теории – к изменению законодательства // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2015. № 1 (7). С. 12.

² Бытко Ю.И. Нужен ли России такой закон (к вопросу о проекте закона об уголовной ответственности юридических лиц). С. 190.

деяний: соответствие преступления фиктивной природе юридического лица; участие юридического лица в преступлении именно в качестве субъекта, а не орудия его совершения; повышенная общественная опасность деяния; преступление должно входить в перечень наиболее распространённых деяний юридических лиц; наличие международного договора, предусматривающего введение уголовной ответственности за такое деяние¹.

Согласно Проекту, вину юридического лица стоит определять как совершение преступного деяния от имени юридического лица одним из его уполномоченных представителей, либо совершение такого деяния заведомо в интересах юридического лица одним из его должностных лиц, имеющим функции управления и контроля, а также иным лицом, имеющим право каким-либо образом определять его действия или давать указания. В пояснительной записке авторы называют такой подход «субъективистским» и в качестве действующего примера такого подхода приводят п. 4 ст. 110 Налогового кодекса РФ, который определяет вину юридического лица в зависимости от вины её должностных лиц и представителей. Разработчиками предусмотрен ещё один способ определения вины юридического лица, согласно которому оно должно быть признано виновным в случае совершения преступного деяния в его интересах лицом, действующим по указанию, с ведома или одобрения ранее указанных физических лиц. Этот подход продиктован законодательством об административных правонарушениях, поскольку согласно ч. 2. ст. 2¹ КоАП РФ юридическое лицо признается виновным, если будет установлено, что у него имелась возможность для соблюдения правил и норм, за нарушение которых предусмотрена ответственность, но им соответствующие меры приняты не были.

Рассматривая концепцию вины, предложенную Проектом, А. В. Наумов отмечает её «тонкость» и говорит, что авторам законопроекта

¹ Минин Р.В. Формирование перечня преступлений, совершаемых юридическими лицами // Lex Russica. 2016. №10 (119). С. 100–102.

всё же удалось нарисовать «абрис» решения труднейшего вопроса, связанного с институтом корпоративной уголовной ответственности¹.

Продолжая анализировать Проект, А.В. Фёдоров ставит под сомнение необходимость включения в число обязательных признаков состава преступления «интереса» юридического лица, который, по его словам, является не более чем мотивом, толкающим лицо на совершение преступления². Традиционно мотив правонарушителя в теории уголовного права относится к факультативным признакам субъективной стороны, что подтверждает нелогичность отнесения его к обязательным признакам, однако, несмотря на кажущуюся правильность такого заявления, интерес юридического лица как необходимое условие ответственности существует в законодательстве многих государств, что можно отнести к ещё одной особенности конструирования состава преступления, совершённого юридическим лицом.

Е.В. Квашис и Ю.А. Случевская в целом соглашаются с авторами Проекта, предлагая привлекать юридическое лицо к уголовной ответственности в случае виновного совершения преступления в его интересах физическим лицом, осуществляющим контролирующие функции. В то же время, норму Проекта, которая под контролирующим лицом понимает также лицо, осуществляющее управление «вследствие иных обстоятельств», авторы считают крайне неудачной, поскольку она вносит неопределённость и имеет «дискреционный» потенциал³.

В качестве основных наказаний для юридических лиц предложено было ввести предупреждение, штраф, запрет на осуществление деятельности на территории Российской Федерации, принудительную ликвидацию. Как дополнительные наказания предусмотрены лишение лицензии, квоты,

¹ Наумов А.В. Уголовная ответственность юридических лиц // Lex Russica. 2015. №7. С. 62.

² Фёдоров А.В. Уголовная ответственность юридических лиц в Российской Федерации: от теории – к изменению законодательства. С. 13.

³ Квашис В.Е., Случевская Ю.А. Институт уголовной ответственности юридических лиц как новый этап развития уголовного права // Журнал российского права. 2016. № 12. С. 87.

преференций или льгот и лишение права заниматься определенным видом деятельности.

Высказываясь одобрительно относительно данного перечня наказаний, Ю.И. Бытко подчёркивает, что разработчики законопроекта учли мировой опыт, российскую правовую культуру и менталитет. Недостатком, по мнению автора, является лишь отсутствие наказания в виде конфискации, поскольку имеющаяся в УК РФ конфискация как мера уголовно-правового характера не в полной мере выполняет свои функции, в частности, не отвечает требованиям противодействия коррупции¹.

Как неоднократно подчёркивает А.В. Фёдоров (и в этом с ним соглашаются другие авторы²), с правовой точки зрения нет никаких препятствий для введения корпоративной уголовной ответственности, и практическая реализация данного института является лишь вопросом законодательной техники³.

Приведённые мнения различных российских учёных по вопросу введения уголовной ответственности юридических лиц в России свидетельствуют о том, что, несмотря на разнообразные (и часто справедливые) доводы противников корпоративной уголовной ответственности, сторонников её введения ничуть не меньше. Внимания при этом заслуживают аргументы обеих сторон. К сожалению, ни один из законопроектов, направленных на урегулирование вопроса уголовной ответственности юридических лиц, так и не нашёл поддержки законодательных органов, а после отзыва в 2018 году законопроекта, предложенного А.А. Ремезковым, решение данной проблемы в России сдвинулось на неопределённый срок.

¹ Бытко Ю.И. Почему в России до сих пор не принят закон об уголовной ответственности юридических лиц? С. 370.

² Кужиков В.Н. К вопросу о привлечении к уголовной ответственности юридических лиц за легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенного преступным путем. С. 141.

³ Фёдоров А.В. Об уголовной ответственности юридических лиц в Российской Федерации: объективная обусловленность и перспективы введения. С. 129.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате исследования института уголовной ответственности юридических лиц в зарубежных государствах, представляется возможным выделить следующее.

Во многих случаях возможность уголовной ответственности юридических лиц отрицается на том основании, что они являются вымышленными субъектами, не имеют настоящей личности, а значит, не могут подвергаться уголовным наказаниям.

Однако, проведённое нами исследование показало – несмотря на то, что изначально учёные пытались сконструировать концепцию уголовной ответственности, отталкиваясь от одной из теорий юридического лица, в современных условиях какое-либо обоснование природы юридического лица не оказывает влияния на практику регулирования его деятельности, в том числе и ответственности за неправомерные действия. В частности, из одной фиктивной теории могут вытекать различные концепции привлечения компаний к ответственности (идентификационная и замещающая ответственность). Аналогичным образом и противоречащие друг другу теории – фикции и реального субъекта, могут на практике представлять собой одну и ту же формулу ответственности – привлечение юридического лица за действия его органов и представителей. Таким образом, на данном этапе развития правотворчества фиктивная (если считать её таковой) природа юридического лица не является препятствием для наложения на него мер ответственности.

Ещё одним следствием мнения о фиктивной природе юридического лица является аргумент о том, что на самом деле негативные последствия наказания перелгаются на физических лиц, которые являются участниками организации, при этом многие из них не имеют отношения к преступной деятельности юридического лица, а потому переложение на них бремени ответственности является несправедливым. Тем не менее, подобная ситуация

наблюдается и в случаях применения гражданской или административной ответственности, финансовые санкции которых точно так же оказывают влияние на третьих лиц, напрямую не связанных с правонарушением. В связи с этим, данный аргумент также не может быть принят.

Как верно писал Г.Ф. Шершеневич, государство прибегает к мерам уголовной ответственности в двух случаях – когда у него нет иных способов воздействия на нарушителей закона, либо когда этих способов оказывается недостаточно¹. Таким образом, прежде чем принимать окончательное решение о введении уголовной ответственности для юридических лиц, мы должны ответить на эти вопросы.

Очевидно, что помимо уголовной, существуют и иные виды ответственности – гражданская и административная, но достаточно ли их?

Исследование европейских правопорядков показывает, что в последние годы идея введения корпоративной уголовной ответственности не теряет своей популярности, что вызвано явным несоответствием гражданско-правовых мер всё возрастающему ущербу, наносимому юридическими лицами. В нынешних условиях, когда многие корпорации ввиду своего размера, влияния и контроля над огромными ресурсами угрожают причинением значительного вреда всему обществу, невозможно полагаться на преследование их исключительно в частном порядке. Необходимо применение иных мер ответственности, основанных на публичном преследовании. И если иностранные государства не знакомы с привычным для нас институтом административной ответственности, в связи с чем ими делается однозначный выбор в пользу уголовной ответственности, то для России всё обстоит несколько сложнее.

Как известно, административные правонарушения и уголовные преступления в российском праве разграничиваются по признаку общественной опасности. При этом, ответственность юридических лиц предусматривается статьёй 2.1 КоАП РФ, которая устанавливает, что

¹ Шершеневич Г.Ф. Избранное: В 6 т. Т. 4 включая Общую теорию права. С. 575.

организация признается виновной в совершении правонарушения, если у неё имелась возможность для соблюдения правил и норм, за нарушение которых предусмотрена ответственность, но ею не были приняты все зависящие от неё меры по их соблюдению. Такая ответственность юридического лица не исключает ответственности отдельных физических лиц за то же нарушение.

Однако, такая ситуация представляется не совсем логичной, поскольку за менее тяжкое правонарушение к административной ответственности могут быть привлечены и юридическое лицо, и физическое, а при повышении общественной опасности деяния ответственность юридического лица как будто испаряется – уголовную ответственность должно нести только физическое лицо. Кроме того, сомнительно и само по себе отнесение масштабных деяний юридических лиц, зачастую причиняющих значительный ущерб, к категории малоопасных правонарушений.

Вспоминая же историю происхождения административного права, многие учёные до сих пор считают его не самостоятельной отраслью, а лишь частью уголовного права в широком смысле. Соглашаясь с этой верной (на наш взгляд) мыслью, необходимо в связи с этим поставить вопрос – если административное и уголовное право действительно две части единого целого, что мешает распространить концепцию ответственности юридических лиц, используемую в административном праве, на право уголовное? Это не только позволит устранить ранее упомянутое противоречие, но и даст возможность применять в отношении организаций столь необходимые институты уголовного права, которых не имеется в иных отраслях (например, рецидив или судимость).

В свою очередь, аргумент о том, что к юридическим лицам не применимы многие уголовные наказания также нельзя признать убедительным, поскольку меры, используемые в отношении юридических лиц в рамках уголовной ответственности, во многих случаях аналогичны по содержанию мерам гражданско- и административно-правового воздействия. Кроме того, неприменимость в отношении компаний ряда административных

наказаний (например, ареста) не мешает юридическому лицу быть субъектом административной ответственности.

Как указывал в одном из своих постановлений Конституционный Суд, в российском праве вина является необходимым условием ответственности и все исключения должны быть указаны в законе¹, а потому, при введении корпоративной уголовной ответственности необходимо будет отыскать приемлемую концепцию вины, что целесообразно сделать с учётом крайне разнообразного зарубежного опыта определения вины юридического лица. Более того, как уже указывалось, самые распространённые подходы к определению вины коллективных образований уже используются в российском административном и налоговом законодательстве, что является лишним подтверждением того, что корпоративная вина не является чем-то противоестественным для российского права.

Подводя итог, стоит согласиться с теми авторами, которые считают, что принципиальных препятствий для введения корпоративной уголовной ответственности в России нет. Учитывая международные рекомендации и накопленный зарубежный опыт, успешное введение этого института представляется вполне возможным. В частности, на раннем этапе целесообразно предусмотреть подобную ответственность за преступления в сфере экологии, а также ряд экономических преступлений и преступлений против общественной безопасности. При успешном же апробировании института уголовной ответственности юридических лиц, в дальнейшем его можно будет распространить и на более широкий перечень преступлений.

¹ Постановление Конституционного Суда РФ «По делу о проверке конституционности положения пункта 2 статьи 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан И.В. Богданова, А.Б. Зернова, С.И. Кальянова и Н.В. Труханова» от 25 января 2001 г. № 1-П // СЗ РФ. 2001. № 7. Ст. 700.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

РАЗДЕЛ I НОРМАТИВНЫЕ ПРАВОВЫЕ АКТЫ И ИНЫЕ
ОФИЦИАЛЬНЫЕ АКТЫ

- 1 Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч.1). Ст. 1.
- 2 Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
- 3 Проект Федерального закона «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с введением института уголовной ответственности юридических лиц» № 750443-6 (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 23.03.2015). URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 23.03.2021).
- 4 Council Act of 19 June 1997 drawing up the Second Protocol of the Convention on the protection of the European Communities' financial interests // Official Journal of the European Communities. 1997. № C 221.
- 5 Wet van 3 maart 1881 – Wetboek van Strafrecht. Gepubliceerd in Stb. 1881, 35 – 5 maart 1881. URL: <https://wetten.overheid.nl/BWBR0001854> (дата обращения: 21.03.2021).
- 6 Wet van 22 juni 1950, houdende vaststelling van regelen voor de opsporing, de vervolging en de berechting van economische delicten. Gepubliceerd in Stb. 1950, K258. URL: <https://wetten.overheid.nl/BWBR0002063> (дата обращения: 21.03.2021).
- 7 Crimes Act 1961 – Public Act 1961 № 43. URL: <https://legislation.govt.nz/act/public/1961/0043/latest/whole.html> (дата обращения: 21.03.2021).
- 8 Code Pénal de 1994. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000006070719 (дата обращения: 21.03.2021).

- 9 Criminal Code Act 1995 – Act № 12 of 1995. URL: <https://www.legislation.gov.au/Details/C2021C00183> (дата обращения: 21.03.2021).
- 10 Ley Orgánica 10/1995, de 23 de noviembre, del Código Penal. BOE № 281, de 24/11/1995. URL: <https://www.boe.es/eli/es/lo/1995/11/23/10/con> (дата обращения: 21.03.2021).
- 11 Corporate Manslaughter and Corporate Homicide Act 2007 (с.19). URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2007/19> (дата обращения: 21.03.2021).
- 12 Bribery Act 2010 (с. 23). URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2010/23> (дата обращения: 21.03.2021).
- 13 Code of Laws of the United States of America. 2018 Edition. URL: <https://uscode.house.gov> (дата обращения: 21.03.2021).

РАЗДЕЛ II ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

- 1 Андреев, В.К. Юридические лица. Введение в корпоративное право: Лекция. / В.К. Андреев, А.Е. Кирпичёв. М.: РАП, 2014. 122 с.
- 2 Архипов, С.И. Юридическое лицо как правовая конструкция / С.И. Архипов // Вестник УГТУ-УПИ, 2005. № 1. С. 138–145.
- 3 Бевзенко Р.С. Несколько директоров – это просто и удобно. URL: <https://www.pgplaw.ru/analytics-and-brochures/articles/roman-bevzenko-several-of-directors-is-easy-and-fast/> (дата обращения: 28.03.2021).
- 4 Братусь, С.Н. Юридические лица в советском гражданском праве. / С.Н. Братусь. М., 1947. 364 с.
- 5 Бытко, Ю.И. Нужен ли России такой закон (к вопросу о проекте закона об уголовной ответственности юридических лиц) / Ю.И. Бытко // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 2 (103). С. 182–193.

- 6 Бытко, Ю.И. Почему в России до сих пор не принят закон об уголовной ответственности юридических лиц? / Ю.И. Бытко // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. № 44. С. 352–373.
- 7 Волженкин Б.В. Уголовная ответственность юридических лиц. / Б.В. Волженкин. СПб, 1998. 40 с.
- 8 Гамбаров, Ю.С. Курс гражданского права. Т. 1. Часть общая. / Ю.С. Гамбаров. СПб, 1911. 793 с.
- 9 Голованова, Н.А. Уголовная ответственность юридических лиц в международном и национальном праве (сравнительно-правовое исследование). / Н.А. Голованова, В.И. Лафитский, М.А. Цирина. М., 2013. 372 с.
- 10 Гражданское и торговое право зарубежных государств: Учебник. Т. 1. Общая часть. / отв. ред. А.С. Комаров, А.А. Костин, О.Н. Зименкова, Е.В. Вершинина. М.: Статут, 2019. 559 с.
- 11 Гражданское право: учебник: в 3 т. Т. 1 / под ред. А. П. Сергеева. М.: Проспект, 2020. 1040 с.
- 12 Гюлумян, В.Г. О проблеме научного поиска сущности юридического лица / В.Г. Гюлумян // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 3. С. 109–119.
- 13 Дёмин, С.Г. Пределы уголовной ответственности юридических лиц в России: дисс. ... канд. юрид. наук / С.Г. Дёмин. С., 2014. 251 с.
- 14 Журкина, О.В. История развития уголовной ответственности юридических лиц в законодательстве Испании / О.В. Журкина// Балтийский гуманитарный журнал. 2019. Т. 8. № 4 (29) С. 333–336.
- 15 Квашиш, В.Е., Случевская, Ю.А. Институт уголовной ответственности юридических лиц как новый этап развития уголовного права / В.Е. Квашиш, Ю.А. Случевская // Журнал российского права. 2016. № 12. С. 79–90.

- 16 Келина, С.Г. Ответственность юридических лиц в проекте нового УК Российской Федерации // Уголовное право: новые идеи / под ред. Келиной С.Г. и Наумова А.В. М.: ИГиП РАН, 1994. С. 50–60.
- 17 Кистяковский, А.О. Элементарный учебник общего уголовного права с подробным изложением начал русского уголовного законодательства. Часть Общая. / А.О. Кистяковский. Киев: Типография И. и А. Давиденко, 1882. 892 с.
- 18 Козлова, Н.В. Понятие и сущность юридического лица. Очерк истории и теории: Учебное пособие. / Н.В. Козлова. М.: Статут, 2003. 318 с.
- 19 Крылова, Н.Е. Уголовная ответственность юридических лиц во Франции: предпосылки возникновения и основные черты. / Н.Е. Крылова // Вестник Московского университета. 1998. № 3. С. 69–80.
- 20 Крылова, Н.Е. Уголовная ответственность юридических лиц (корпораций): сравнительно-правовой анализ // Взаимодействие международного и сравнительного уголовного права: учебное пособие / под ред. Кузнецова Н.Ф., Комиссарова В.С. М.: Изд. дом «Городец», 2009. С. 75–108.
- 21 Кужиков, В.Н. К вопросу о привлечении к уголовной ответственности юридических лиц за легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенного преступным путем / В.Н. Кужиков, Р.Л. Габдрахманов, М.В. Денисенко // Вестник экономической безопасности. 2020. №3. С. 137–141.
- 22 Курм, М. Ответственность юридических лиц за коррупцию в странах Восточной Европы и Центральной Азии. / М. Курм. ОЭСР, 2015. 102 с.
- 23 Минин, Р.В. Проблема формирования концепции уголовной ответственности юридических лиц в России / Р.В. Минин // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2019. № 1 (47). С. 62–68.
- 24 Минин, Р.В. Формирование перечня преступлений, совершаемых юридическими лицами / Р.В. Минин // Lex Russica. 2016. №10 (119). С. 97–104.

- 25 Наумов, А.В. Уголовная ответственность юридических лиц / А.В. Наумов // Lex Russica. 2015. №7. С. 57–63.
- 26 Наумов, А.В. Уголовная ответственность юридических лиц (доктринальные и правотворческие аспекты) / А.В. Наумов // Құқық және мемлекет. 2017. № 1–2 (74–75). С. 106–118.
- 27 Познышев, С.В. Основные начала науки уголовного права. Общая часть уголовного права / С.В. Познышев. М.: А.А. Карцев, 1912. 668 с.
- 28 Покровский, И.А. Основные проблемы гражданского права. / И.А. Покровский. М.: Статут, 1998. 353 с.
- 29 Порайко, В.В. Перспективы уголовной ответственности юридических лиц за преступления в сфере предпринимательской деятельности в контексте принципов российского уголовного права / В.В. Порайко // Вестник Югорского Государственного Университета. 2019. № 4 (55). С. 47–55.
- 30 Преступление и наказание. Комментарий к проекту Уголовного кодекса России / под ред. проф. Кузнецовой Н.Ф. и проф. Наумова А.В. М.: Де-Юре, 1993. 304 с.
- 31 Семькина, О.И. Уголовная ответственность юридических лиц в российском праве XIX–XX веков: законодательные, теоретические и правоприменительные аспекты: научно-практическое пособие. / О.И. Семькина. М.: Проспект, 2020. 80 с.
- 32 Сизова, В.Н. Актуальные вопросы уголовной ответственности юридических лиц / В.Н. Сизова // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2020. № 2 (93). С. 115–123.
- 33 Синайский, В.И. Русское гражданское право. / В.И. Синайский. М.: Статут, 2002. 638 с.
- 34 Суворов, Н.С. Об юридических лицах по римскому праву. / Н.С. Суворов. М.: Статут, 2000. 299 с.
- 35 Суханов, Е.А. Сравнительное корпоративное право. / Е.А. Суханов. М.: Статут, 2014. 456 с.

- 36 Сучков, Ю.И. К вопросу о введении в российское законодательство уголовной ответственности юридического лица / Ю. И. Сучков // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского Университета МВД России. 2015. № 4 (42). С. 68–69.
- 37 Таганцев, Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть Общая. Т. I. / Н.С. Таганцев. СПб, 1902. 823 с.
- 38 Фёдоров, А.В., Кричевцев, М.В. История развития Французского законодательства об уголовной ответственности юридических лиц. / А.В. Фёдоров, М.В. Кричевцев // Вестник Московской академии Следственного комитета РФ. 2017. № 4. С. 34–44.
- 39 Фёдоров, А.В. Об уголовной ответственности юридических лиц в Российской Федерации: объективная обусловленность и перспективы введения / А. В. Фёдоров // Юридическая наука: история и современность. 2016. № 3. С. 117–132.
- 40 Фёдоров, А.В. Уголовная ответственность юридического лица после прекращения его деятельности / А. В. Фёдоров // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2019. № 3. С. 16–25.
- 41 Фёдоров, А.В. Уголовная ответственность юридических лиц в Российской Федерации: от теории – к изменению законодательства / А. В. Фёдоров // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2015. № 1 (7). С. 12–20.
- 42 Фёдоров, А.В. Уголовная ответственность юридических лиц и криминализация их деяний в контексте современной уголовной политики / А. В. Фёдоров // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2018. № 2. С. 9–20.
- 43 Фёдоров, А.В. Уголовная ответственность юридических лиц и цифровая экономика / А. В. Фёдоров // Право и цифровая экономика. 2021. № 1 (11). С. 5–12.

- 44 Фёдоров, А.В. Уголовная ответственность юридических лиц как атрибут рыночной экономики / А. В. Фёдоров // Правовое поле современной экономики. 2015. № 7. С. 11–18.
- 45 Хрущевский, П.А. История становления уголовной ответственности юридических лиц. / П.А. Хрущевский // Вопросы российского и международного права. 2011. № 4. С. 62–72.
- 46 Шершеневич, Г.Ф. Избранное: В 6 т. Т. 4 включая Общую теорию права. / Г.Ф. Шершеневич. М.: Статут, 2016. 752 с.
- 47 Шершеневич, Г.Ф. Избранное. В 6 т. Т. 5: Учебник русского гражданского права. / Г.Ф. Шершеневич. М.: Статут, 2017. 832 с.
- 48 Шеслер, А.В. Проблемы установления уголовной ответственности юридических лиц в российском уголовном законодательстве / А.В. Шеслер // Всероссийский криминологический журнал. 2017. № 2. С. 361–369.
- 49 Юридические лица и их государственная регистрация: Постатейный комментарий к статьям 48–65 Гражданского кодекса Российской Федерации и Федеральному закону «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» / под ред. Гонгало Б.М. и Крашенинникова П.В. М.: Статут, 2010. 525 с.
- 50 Юридические лица: типы, виды, организационно-правовые формы: учеб. пособие / под ред. Т.Л. Калачевой. Хабаровск: Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2018. 96 с.
- 51 Alcobendas multa con 250.000 € a una sociedad de Sergio Ramos por la tala de unos árboles. URL: <https://www.efc.com/efc/espana/portada/alcobendas-multa-con-250-000-a-una-sociedad-de-sergio-ramos-por-la-tala-unos-arboles/10010-4026217> (дата обращения: 21.04.2021).
- 52 Beale, S.S. The Development and Evolution of the U.S. Law of Corporate Criminal Liability / S.S. Beale // German Conference on Comparative Law. Marburg, Germany. 2013. 32 p.

- 53 Brickey, K.F. Rethinking Corporate Liability Under the Model Penal Code / K.F. Brickey // Rutgers Law Journal. 1988. № 19. P. 587–611.
- 54 Clifford Chance. Corporate Liability in Europe. URL: https://www.cliffordchance.com/content/dam/cliffordchance/PDF/European_Technical_Bulletin.pdf (дата обращения: 29.03.2021).
- 55 Deckert, K. Corporate Criminal Liability in France / K. Deckert // Corporate Criminal Liability. Emergence, Convergence, and Risk. / Edited by Pieth M., Ivory R. 395 p.
- 56 Diskant, E.B. Comparative Corporate Criminal Liability: Exploring the Uniquely American Doctrine Through Comparative Criminal Procedure / E.B. Diskant // The Yale Law Journal. 2008. № 1. P. 128–176.
- 57 Elliott C., Quinn F. Criminal Law / C. Elliott, F. Quinn. Pearson, 2016. 468 p.
- 58 Engelhart, M. Corporate Criminal Liability from a Comparative Perspective / M. Engelhart // Regulating Corporate Criminal Liability / Edited by Brodowski D., Espinoza de los Monteros de la Parra M., Tiedemann K., Vogel J. Springer, 2014. 360 p.
- 59 English Private Law / Edited by Andrew Burrows. Oxford University Press, 2013. 1704 p.
- 60 Grimes, J. Corporate criminal liability in the UK: the introduction of deferred prosecution agreements, proposals for further change, and the consequences for officers and senior managers / J. Grimes, R. Niblock, L. Madden. URL: global.practicallaw.com/4-547-9466 (дата обращения: 29.03.2021).
- 61 Jofre, S.W. Corporate Criminal Liability and Compliance Management Systems. A Case Study of Spain / S.W. Jofre // Transnational Crime. 2018. № 2.3. P. 1–63.
- 62 Keulen, B.F., Gritter, E. Corporate Criminal Liability in the Netherlands // Electronic Journal of Comparative Law. 2010. № 14.3. URL: <http://www.ejcl.org/143/art143-9.pdf> (дата обращения: 28.03.2021).

- 63 Laufer, W.S. Corporate bodies and guilty minds: the failure of corporate criminal liability. / W.S. Laufer. Chicago: The University of Chicago Press, 2008. 288 p.
- 64 Maradona. Corporate Criminal Liability in Indonesia: Regulation, Implementation and Comparison with The Netherlands. Doctoral Thesis. Rotterdam, 2018. 275 p.
- 65 Robinson, A.A. «Corporate Culture» as a basis for the Criminal Liability of Corporations. / A.A. Robinson. 2008. 100 p. URL: <https://media.business-humanrights.org/media/documents/f72634fd87adfd3d31a22f5f4b93150267b8a764.pdf> (дата обращения: 28.03.2021).
- 66 Tuson, A. Corporate Criminal Liability – Perspectives from the US, UK and France / A. Tuson, O. Gelb, M.A. Srere, C. Achillas, D. Pere. URL: <https://www.bclplaw.com/en-GB/insights/corporate-criminal-liability-perspectives-from-the-us-uk-and.html> (дата обращения: 30.03.2021).
- 67 Valenzano, A.S. «Triggering Persons» in «Ex Crimine» Liability of Legal Entities / A.S. Valenzano // Regulating Corporate Criminal Liability / Edited by Brodowski D., Espinoza de los Monteros de la Parra M., Tiedemann K., Vogel J. Springer, 2014. 360 p.
- 68 Weissmann, A., Newman, D. Rethinking Criminal Corporate Liability / A. Weissmann, D. Newman // Indiana Law Journal. 2007. № 2. P. 411–451.
- 69 Wells, C. Criminal Responsibility of Legal Persons in Common Law Jurisdictions / C. Wells // OECD Anti-Corruption Unit – Working Group on Bribery in International Business Transactions. Paris, 2000. 10 p.
- 70 Wilkinson, M. Corporate Criminal Liability – The Move Towards Recognizing Genuine Corporate Fault. / M. Wilkinson // Canterbury Law Review. 2003. № 5. URL: <http://www.nzlii.org/nz/journals/CanterLawRw/2003/5.html> (дата обращения: 29.03.2021).

РАЗДЕЛ III ПОСТАНОВЛЕНИЯ ВЫСШИХ СУДЕБНЫХ ИНСТАНЦИЙ
И МАТЕРИАЛЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ

- 1 Постановление Конституционного Суда РФ «По делу о проверке конституционности положения пункта 2 статьи 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан И.В. Богданова, А.Б. Зернова, С.И. Кальянова и Н.В. Труханова» от 25 января 2001 г. № 1-П // СЗ РФ. 2001. № 7. Ст. 700.
- 2 *Salomon v Salomon & Co Ltd* [1897] AC 22. URL: <http://www.bailii.org/uk/cases/UKHL/1896/1.html> (дата обращения: 23.03.2021).
- 3 *New York Central & Hudson River Railroad v United States*, 212 U.S. 481 (1909). URL: <https://www.law.cornell.edu/supremecourt/text/212/481> (дата обращения: 23.03.2021).
- 4 *Bolton (Engineering) Co Ltd v P J Graham & Sons Ltd* [1957] 1 QB 159. URL: <https://lawcasesummaries.com/knowledge-base/h-l-bolton-engineering-co-ltd-v-t-j-graham-sons-ltd-1957-1-qb-159> (дата обращения: 23.03.2021).
- 5 *Tesco Supermarkets Ltd v Natrass* [1972] AC 153. URL: <http://www.bailii.org/uk/cases/UKHL/1971/1.html> (дата обращения: 23.03.2021).
- 6 *United States v. Bank of New England, N.A.*, 821 F.2d 844, 856 (1st Cir. 1987). URL: <https://www.lexisnexis.com/community/casebrief/p/casebrief-united-states-v-bank-of-new-england-n-a> (дата обращения: 21.03.2021).
- 7 *Meridian Global Funds Management Asia Ltd v The Securities Commission* [1995] UKPC 5. URL: <https://www.bailii.org/uk/cases/UKPC/1995/5.html> (дата обращения: 23.03.2021).
- 8 HR 21 Oktober 2003, NJ 2006, 328. URL: <https://uitspraken.rechtspraak.nl/inziendocument?id=ECLI:NL:HR:2003:AF7938> (дата обращения: 21.03.2021).

- 9 R v Cotswold Geotechnical (Holdings) Ltd [2011] EWCA Crim 1337. URL: <https://www.bailii.org/ew/cases/EWCA/Crim/2011/1337.html> (дата обращения: 21.02.2021).
- 10 St Regis Paper Company Ltd v R. [2011] EWCA Crim 2527. URL: <https://www.bailii.org/ew/cases/EWCA/Crim/2011/2527.html> (дата обращения: 21.02.2021).
- 11 HR 7 Februari 2017, NJ 2017, 300. URL: <https://uitspraken.rechtspraak.nl/inziendocument?id=ECLI:NL:HR:2017:40> (дата обращения: 23.03.2021).